Театръ и Искусство

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО".

Съ доставк. и пересылк. на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.
Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара, считаются безплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27 Іюня

СОДЕРЖАНІЕ: Какъ обезпечить исполненіе контрактовъ. — О критикѣ и критикахъ (*продолженіе*) *А. Измайлова.* — «Верди» очеркъ *Ганслика.* — Письмо въ редакцію *А. Звѣздича.* — Хроника театра и искусства. — Вопли антрепренеровъ (письма въ редакцію А. Николаева-Соколовскаго и С. Трефилова). — На своемъ посту. *П. М. Невѣжина.* — Заграницей. — Провинціальная лѣтопись. — Объявленія.

№ 26.

Рисунки: «Лемерывны» Заньковецкая. *С. С. Соломко*; «Куколка», новая оперетка Одрана 2 рис.; Лондонскій сезонъ; «Ночь», Соранзена; портретъ Пуччини.

Продолжается подписка на 1899 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО"

Театральное Бюро и Канцелярія Совѣта Русскаго Театральнаго О-ва переведены въ новое помѣщеніе по Караванной ул., д. 9, кв. 63.

Отъ конторы:

☛ Ввиду многочисленныхъ запросовъ о неполученіи 1-го выпуска „Словаря сценическихъ дѣятелей" (буква А), контора имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что 1-й выпускъ „Словаря" разосланъ въ 1898 г., и новые подписчики, желающіе получить первый выпускъ „Словаря" благоволятъ прислать 50 к. (вмѣсто номинальной цѣны 75 коп.) о чемъ было своевременно заявлено.

Лицамъ, не внесшимъ полной подписной платы, высылка журнала прекращена съ 23 №

С.-Петербургъ, 27 іюня.

Ниже помѣщены два, почти аналогичныхъ, письма антрепренеровъ о «бѣгствѣ актеровъ». Въ письмѣ г. Трефилова съ совершенною ясностью указаны результаты, къ которымъ приводитъ систематическое уклоненіе актеровъ отъ исполненія контрактовъ. Страдаютъ аккуратные актеры,—благоденствуютъ болѣе или менѣе безцеремонные. Зло это—безпощадное, и крайне трудно вести театральное дѣло при такомъ отношеніи актеровъ къ своимъ обязанностямъ. Какъ извѣстно, московское Бюро Театральнаго Общества возбудило ходатайство о томъ, чтобы фамиліи невыполнившихъ своихъ обязательствъ актеровъ вывѣшивались въ помѣщеніи Бюро. Предложеніе это, однако, встрѣтило серьезныя возраженія, съ «общегражданской», такъ сказать, точки зрѣнія. Указывали на то, что это есть какъ бы ограниченіе правъ, до разсмотрѣнія дѣла компетентнымъ судомъ и пр. «Общегражданская» точка зрѣнія, однако, не совсѣмъ примѣнима къ такому исключительному предпріятію, какъ театральное, которое нерѣдко основывается, въ своихъ экономическихъ предположеніяхъ, на индивидуальныхъ особенностяхъ приглашенныхъ актеровъ, и гдѣ поэтому ушедшій актеръ часто никѣмъ не можетъ быть замѣщенъ. Точно также врядъ ли найдется другое дѣло, котораго процвѣтаніе было бы столь связано съ выполненіемъ обязательствъ.

Вопросъ объ исполненіи контрактовъ рѣшится, самъ собою, съ учрежденіемъ Корпораціи. Внутренній, дисциплинарный судъ будетъ въ состояніи произнести то быстрое, основанное на близкомъ знакомствѣ съ обстоятельствами, рѣшеніе, которое обезпечитъ надлежащее выполненіе обязательствъ. Пока же, до учрежденія Корпораціи, можно рекомендовать двѣ болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры.

1) Неустойку въ контрактахъ слѣдуетъ значительно повысить, ибо существующую нормальную неустойку (въ размѣрѣ двухъ-мѣсячнаго оклада) можно считать недостаточно серьезной. Если неустойку увеличить вдвое или даже втрое, то едва

ли найдется антрепренеръ, который согласится ради нужнаго актера принять на себя такую большую неустойку, что въ настоящее время случается нерѣдко.

2) Антрепренеровъ должно обязать производить изъ жалованья актеровъ вычетъ по предъявленнымъ исполнительнымъ листамъ. Эта мѣра гарантируетъ театральныхъ предпринимателей отъ потери неустоекъ и будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ «уздой» для актеровъ.

Театральное Общество могло бы содѣйствовать проведенію этихъ, пока палліативныхъ, мѣръ въ жизнь.

О критикѣ и критикахъ.

(*Продолженіе* *).

V.

При всей видимой несостоятельности критики-буффонады, въ ней была одна сторона, обѣщавшая выдвинуть и дѣйствительно выдвинувшая ее на видное мѣсто,—эта критика согласовалась со вкусами толпы и, слѣдовательно, должна была нравиться и журнальному или газетному антрепренеру. Обращаясь къ исторіи нашей журналистики, мы видимъ, какъ послѣдовательно доходилъ отечественный писатель и издатель до этой мысли. Много лѣтъ плѣнявшій умы современниковъ Сенковскій-Брамбеусъ, надо полагать, лучше и яснѣе другихъ видѣлъ значеніе юмористической критики и можетъ быть названъ наиболѣе яркимъ ея представителемъ. Сдержанный и довольно серьезный въ первые годы своей критической дѣятельности, въ послѣдующіе онъ даетъ полный просторъ своимъ сатирическимъ склонностямъ. „Лѣтопись“ превратилась въ непрерывную шутку, разсказываетъ его біографъ.—Стали разсматриваться преимущественно такія сочиненія, которыя представляютъ наиболѣе смѣшныхъ сторонъ. Наконецъ, шутка дошла даже до буффа, и лѣтописецъ заставляетъ новыя книги плясать предъ собою, играть комедію-водевиль и представлять сцены изъ „Тысячи одной ночи“ **). „Мазепа“ плясалъ съ „Дочерью купца Жолобова“, „Курсъ русской грамматики“ съ „Логикою для дворянъ“, „Курсъ законовѣдѣнія“ съ „Искусствомъ брать взятки“. Критикъ женилъ себя на переводчицѣ одной изъ книгъ, крестилъ ея дѣтей, ставилъ имъ памятникъ изъ *сихъ* и *оныхъ*—тѣхъ злополучныхъ мѣстоименій, изъ-за которыхъ онъ съумѣлъ поднять цѣлую бурю,—награждалъ авторовъ за изданія книжекъ пятью орѣхами, давалъ отчетъ о цѣлой книгѣ въ одной выразительной фразѣ: „Ванька! это твоя литература!“ Это былъ невысокій видъ оцѣнки, но онъ приходился какъ нельзя болѣе по вкусу современности, и имя Брамбеуса стояло такъ высоко, что ему могъ позавидовать любой изъ корифеевъ русской литературы. Онъ былъ arbiter elegantiarum, дѣлавшій и ронявшій репутаціи, Чингисъ-ханъ и Батый нашей словесности. Его имя служило предметомъ фальсификацій и контрафакціи ***), съ императорской сцены Хлестаковъ возвѣщалъ его славу. А между тѣмъ это былъ человѣкъ безъ всякаго положительнаго критическаго міровоззрѣнія, даже болѣе того—прямо отрицательно относившійся къ тому виду литературной работы, котораго самъ былъ представителемъ. „Самъ Сенковскій, пишетъ о немъ его біографъ,—не вѣрилъ въ критику чью бы то ни было, и въ свою особенно, и высказалъ свои мысли объ ней въ первой же книжкѣ журнала; эти мысли повторялъ онъ и въ послѣдніе годы. Личный вкусъ и личныя впечатлѣнія считалъ онъ единственнымъ мѣриломъ произведеній словесности. Онъ отрицалъ критику эстетическую и допускалъ полный произволъ и самоуправство въ сужденіяхъ о произведеніяхъ воображенія и искусства. Онъ самъ чувствовалъ несостоятельность такого воззрѣнія на искусство, и вскорѣ пересталъ заниматься литературною критикою, продолжая шутить надъ нею, какъ и надъ самыми книгами, которыя ее вызывали. Оттого-то часто восхвалялъ онъ такія произведенія, которыя не заслуживали серьезнаго вниманія, и, наоборотъ, отзывался холодно о тѣхъ, которыя выходили изъ уровня посредственности“ *). Очень естественно, что подъ такимъ своеобразнымъ угломъ зрѣнія Тимофеевы попадали въ геніальности, Кукольники ставились наряду съ Гёте, Вальтеръ-Скотты оказывались шарлатанами, Гюго и Ж. Зандъ безнравственными разсказчиками, а Гоголи русскими Поль-де-Коками, наконецъ, сегодня восхвалялось то, что завтра подвергалось ожесточенной насмѣшкѣ, послѣ того, какъ мѣнялось минутное настроеніе легкомысленнаго критика.

Доступность и легкость пониманія подобной критики обезпечили ей полный успѣхъ въ публикѣ, чутко прислушивавшейся ко всякому шуму, раздававшемуся въ литературѣ и обѣщавшему любопытное зрѣлище ожесточеннаго боя двухъ противниковъ. Полемическій задоръ гарантировалъ критику положеніе въ литературѣ и популярность въ публикѣ. Такъ мало-по-малу появилась и вошла въ силу та критика, которую Бѣлинскій опредѣлилъ именемъ „забавной“ и отмѣтилъ ея существенныя черты выразительно и мѣтко въ своей статьѣ о западномъ представителѣ подобнаго литературнаго направленія.

„Истинная критика требуетъ мысли, писалъ Бѣлинскій,—а толпа любитъ забавляться, а не мыслить, и потому, вмѣсто истинной критики, создайте забавную критику. Послѣдняя очень легка и нравится толпѣ, которая вообще любитъ все, что вровень съ нею и не оскорбляетъ ея маленькаго самолюбія своею „непонятливостью“. Побольше фразъ отъ себя и еще больше выписокъ изъ будто бы критикуемаго вами сочиненія, и у васъ въ одинъ вечеръ готово десять „забавныхъ“ критикъ, которыя поправятся тысячамъ и оскорбятъ десятки, тогда какъ иногда мало десяти вечеровъ, чтобы написать истинную критику, которая удовлетворитъ десятки и оскорбитъ тысячи. Тонъ забавной критики непремѣнно долженъ быть рѣзкій, наглый, нахальный; иначе толпа не будетъ вамъ вѣрить. Когда разбираете книгу автора чужого прихода или человѣка, котораго вы не любите, боитесь или другое что, дѣлайте изъ его книги выписки такихъ мѣстъ, какихъ въ его книгѣ нѣтъ, приписывайте ему такія мнѣнія, которыхъ онъ и не думалъ имѣть, словомъ, клевещите, но только смѣлѣе и рѣшительнѣе: толпа того и слушаетъ, тому и вѣритъ, у кого горло широко и замашки наглѣе. Не забывайте при этомъ чаще говорить о своей добросовѣстности, благонамѣренности, объ уваженіи къ соб-

*) См. № 24 и 25.

**) «О жизни и трудахъ О. И. Сенковскаго», П. Савельева, I т. Сочиненій Сенковскаго LXXXIV.

***) Припомнимъ, что даже Пушкинъ утилизировалъ одинъ изъ его псевдонимовъ «А. Бѣлкинъ». Какими соображеніями онъ при этомъ руководился,—это для насъ не важно.

*) П. Савельевъ, «О жизни и трудахъ Сенковскаго», см. I т. сочиненій барона Брамбеуса, LXXXV—LXXXVII.

ственной личности, не допускающей васъ до неприличныхъ браней и полемики, о своихъ талантахъ и другихъ похвальныхъ качествахъ вашего ума и сердца; о своихъ соперникахъ кричите, что они и глупы, и безталантны и недобросовѣстны, а главное, что они завидуютъ вамъ, какъ всѣ посредственные люди завидуютъ генію. Возьмите девизомъ своимъ „смѣлость города беретъ“,—и будьте увѣрены, что всѣ карманы сдадутся вашей „смѣлости“ *).

Въ сущности, это очень вѣрная характеристика, приложимая во всѣхъ своихъ деталяхъ ко многимъ даже изъ современныхъ опытовъ критическаго сужденія. Если обратимся къ прошлому,—и тамъ мы увидимъ блестящіе примѣры такой же забавной критики, данные нашими отечественными Менцелями, наперерывъ развѣнчивавшими корифеевъ русскаго слова. Развѣнчанъ Пушкинъ, развѣнчанъ Лермонтовъ, есть книга хуленій на Гоголя, къ счастью, совершенно непопулярная и забытая; въ самое послѣднее время обнаружена настойчивая попытка незверженія съ пьедесталовъ и Бѣлинскаго, и Чернышевскаго, и Добролюбова, и самого Писарева, когда-то много потрудившагося на этомъ же самомъ поприщѣ.

ЗАНЬКОВЕЦКАЯ ВЪ РОЛИ «ЛЕМЕРЫВНЫ».

Оригинальный рисунокъ С. С. Соломко.

VI.

Дешевый успѣхъ юмористико-полемической критики, совпавшій съ моментомъ пониженія и, такъ сказать, омірщенія литературныхъ нравовъ, явился залогомъ прочности и живучести этого типа художественной оцѣнки. Все большая и большая матеріализація литературы, послѣдовательно, изъ случайнаго занятія по влеченію сердца, превратившейся въ ремесло, содѣйствовала еще сильнѣйшему уклоненію критики отъ идеальной нормы. Отъ намѣченнаго вида оцѣнки, основанной не на искреннемъ и разумномъ обсужденіи произведенія, а въ значительной части обусловленной личными симпатіями и антипатіями оцѣнщика или чисто житейскими обстоятельствами,—былъ только одинъ шагъ и до новаго типа уже совершенно разнузданной и неопрятной критики—сплетни.

Въ критику привзошелъ совершенно новый и совершенно чуждый ей по существу элементъ. Съ тѣхъ поръ, какъ русскій литераторъ утратилъ стыдливость новичка предъ ораторской трибуной, критическая статья сдѣлалась лучшимъ видомъ изъ узаконенныхъ теоріею словесности, гдѣ всего удобнѣе можно было съ серьезнымъ выраженіемъ лица залѣзть въ интимную жизнь художника, подѣлиться съ читателемъ намеками на темныя стороны его біографіи и такъ или иначе посплетничать на темы, можетъ быть, не имѣющія ничего общаго съ разсматриваемымъ произведеніемъ и вообще съ его дѣятельностью. „Презрительные Терситы“ могли здѣсь попутно пересчитать барыши въ карманѣ автора, сообщить рядъ интимныхъ новостей, волнующихъ литературное болото,—„вотъ этотъ дескать женится, а этому отказъ“,—перемыть косточки „критикуемому“ собрату, и въ числѣ многочисленныхъ упрековъ по адресу его новаго труда, вскользь пустить ядовитую стрѣлу хотя бы насчетъ того, что авторъ разсматриваемой новинки „едва ли не жидъ“, какъ выразился одинъ изъ историковъ о русскомъ самозванцѣ, или—horribile dictu!—едва ли не человѣкъ семинарскаго происхожденія.

Критика отмѣченнаго оттѣнка появилась у насъ довольно рано. Удивительно полный и цѣлостный образъ такого критика, пасквилянта и сплетника явилъ въ себѣ Воейковъ, каждая критическая статья котораго была полна двусмысленныхъ намековъ, язвительной брани и почти безпричиннаго озлобленія. Далѣе, еще Полевому ставили въ безславіе его винный заводъ и купеческое происхожденіе, и еще Пушкинъ писалъ по этому поводу, что въ мирной республикѣ наукъ нѣтъ дѣла до гербовъ и пыльныхъ грамотъ, что потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный авдиторъ и странствующій купецъ—равны предъ законами критики *). Но ни критика, ни общество, разъ ставъ на этотъ ложный путь оцѣнки, уже не могли забыть ни того, что Шекспиръ стрѣлялъ чужую дичь, ни того, что Бэконъ бралъ взятки. Полнаго своего развитія эта литературная разновидность достигла у насъ на Руси въ значительно позднѣйшее время, и отъ шестидесятыхъ годовъ до нынѣшнихъ, намъ кажется, она все болѣе и болѣе преуспѣваетъ и находитъ все большее и большее число адептовъ. Въ половинѣ

*) Сочин. Бѣлинск., «Менцель критикъ Гете».

*) Пушкинъ, «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей», см. журнальныя статьи.

семидесятыхъ годовъ, оправдываясь отъ обвиненій по поводу одного изъ своихъ романовъ, Н. С. Лѣсковъ указывалъ на это возмутительно-ненормальное явленіе русской журналистики. „Народился въ нашей литературѣ критикъ, писалъ онъ,—которому нѣтъ подобнаго въ природѣ. Литераторовъ шельмовали и лишали добраго имени безъ всякаго суда и слѣдствія, между тѣмъ, какъ сами ратовали за гуманнѣйшіе принципы. Фета представляли плантаторомъ и крѣпостникомъ, когда въ О-ской губерніи, гдѣ онъ живетъ, никто о немъ не отзовется иначе, какъ объ образцово-честномъ землевладѣльцѣ... А. А. Краевскаго еще тупѣе, чѣмъ кого нибудь, преслѣдовали его петербургскимъ домомъ, какъ будто его домъ нажитъ картами или обманомъ, а не его трудами. А. Н. Майкова не устаютъ попрекать его „коляской“, въ которой поэтъ, однако, не заѣхалъ никуда ни черезъ тынъ, ни черезъ колоду. Надъ Ѳ. М. Достоевскимъ глумились за то, что у него была табачная и папиросная фабрика, какъ будто имѣть табачную или папиросную фабрику какое-нибудь постыдное дѣло... Гончарова, Писемскаго, Тургенева, Лермонтова, Пушкина, Каткова, Леонтьева, Адамантова, Буслаева, Юркевича, Пирогова, даже Гёте и самого Шекспира, безъ всякаго милосердія трепали по своимъ журнальнымъ задворкамъ, вывертывали тамъ многимъ изъ нихъ карманы для освидѣтельствованія, вскрывали ихъ черепа, груди и отовсюду при особо фокусныхъ пріемахъ вытаскивали на показъ нелѣпые, грязные призраки собственной нравственной мелкости и чисто субъективной подозрительности“ *). Чтобы составить понятіе о томъ, до какой степени безстыдства и наглости доходили нѣкоторыя изъ нашихъ литературныхъ кумушекъ, достаточно припомнить извѣстные эпизоды съ В. Крестовскимъ (происхожденіе „Петербургскихъ трущобъ“), С. Терпигоревымъ (исторія съ „Оскудѣніемъ“) и А. Островскимъ (сплетни о пьесѣ „Бѣдность не порокъ“).

По нынѣшнимъ временамъ эта, такъ сказать, „семейная“ критика пришлась какъ нельзя болѣе кстати. Сужденіе о литературной порядочности сдѣлалось настолько снисходительнымъ, что критики подобнаго направленія могли даже создавать себѣ извѣстное положеніе. **А. Измайловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЕРДИ.

(Очеркъ Ганслика, перев. Я. П. П. **).

Никто-бы не повѣрилъ, когда впервые въ Германіи раздались звуки Вердіевской музыки, что Верди вскорѣ сдѣлается не только верховнымъ властелиномъ италіанской оперы, но въ значительной степени овладѣетъ и нѣмецкой оперной сценой. 4 апрѣля 1843 года исполнена была въ Вѣнѣ италіанскими пѣвцами „Набукко“—первая опера неизвѣстнаго еще тогда композитора; молодой маэстро самъ дирижировалъ. Ронкони пѣлъ главную роль. Тѣмъ не менѣе успѣхъ оперы былъ сомнителенъ. Только самые ярые италіаноманы изъ среды публики рѣшились высказаться за нее; критика же напала на бездарность и тривіальность музыки и протестовала даже противъ отдаленнѣйшаго сравненія Верди съ Доницетти. Напротивъ, въ Италіи первое появленіе Верди было встрѣчено съ энтузіазмомъ, какъ начало новой эры; на этотъ разъ инстинктъ массы оказался вѣрнымъ: музыка Верди съ тѣхъ поръ пріобрѣла право гражданства на всѣхъ европейскихъ сценахъ, въ Италіи же царитъ безъ соперниковъ вотъ уже четверть столѣтія.

Верди началъ свою карьеру постановкой въ 1839 году на сценѣ миланскаго театра „La Scala“ оперы: „Oberto, Conte di San Bonifazio“. Это чисто ученическое произведеніе, полное подражанія Беллини, тѣмъ не менѣе и въ немъ уже видны кое-гдѣ слѣды драматическаго таланта. Послѣ перваго представленія „Oberto“ нѣкій миланскій критикъ привѣтствовалъ съ пророческимъ восторгомъ „новаго генія“. Однако, пророчество это является въ нашихъ глазахъ столь же мало понятнымъ, какъ и вызвавшія его основанія: „Верди, такъ пишетъ критикъ, сразу вступилъ на настоящую дорогу: онъ трогаетъ насъ, онъ дѣйствуетъ на возвышенныя чувства. Какъ и Беллини, онъ избѣгаетъ оглушительнаго шума. Такъ начинаютъ немногіе. Дальнѣйшій прогрессъ—весь въ его рукахъ“. Тѣмъ не менѣе, слѣдующій шагъ Верди былъ регрессомъ. „Un giorno di regno“—опера, передѣланная изъ французскаго водевиля, блистательно провалилась при первомъ и единственномъ представленіи въ Миланѣ (1840 г.). Эта неудача не смутила, однако, молодого маэстро. Какъ разъ въ то время, италіанствовавшій нѣмецкій композиторъ Отто Николаи отказался отъ либретто героической оперы „Набукко“, написанной поэтомъ Солера. Верди взялъ либретто „Набукко“, которое приняли въ La Scala (1842 г.) съ восторгомъ и этимъ произведеніемъ Джузеппо Верди положилъ прочное начало своей славы. Правду сказать, синьоръ Ѳемистоклъ Солера за свое либретто заслуживаетъ быть увѣнчаннымъ не лаврами, а репейникомъ: библейскій сюжетъ искаженъ имъ съ замѣчательной развязностью, а его собственныя измышленія лишены всякой внутренней правды и поэзіи. Что касается музыки, то въ ней, кромѣ обыкновенныхъ недостатковъ италіанскихъ оперъ (доведенныхъ здѣсь до гигантскихъ размѣровъ), поражало еще отсутствіе мелодическаго пѣнія. Одинъ вѣнскій критикъ примѣнилъ къ новой оперѣ остроту Шекспира: „Чѣмъ она хороша? Ничѣмъ. Чѣмъ она плоха? Всѣмъ“. Словомъ, нѣмцамъ новое музыкальное кушанье показалось неудобоваримымъ; тѣмъ менѣе могли они отыскать въ немъ слѣды того новаго и яко-бы оригинальнаго стиля, который тотчасъ же былъ открытъ въ „Набукко“ италіанцами. Оперы Верди казались имъ кроеными по одному же шаблону, что и оперы Доницетти, Пачини, Меркаданте; если и была разница, то она выражалась не болѣе, какъ въ лишней дозѣ бойкости по части ритма и инструментовки. Естественная вещь, что италіанцы различаютъ въ своей собственной музыкѣ такіе тонкіе оттѣнки, которые только имъ однимъ и доступны и что поэтому они способны находить различные стили и направленія въ музыкальныхъ произведеніяхъ, которые для чужого слуха звучатъ совершенно одинаково. Точно также негры, напримѣръ, кажутся другъ другу весьма непохожими между собою, тогда какъ

*) М. Стебницкій. Объясненіе по поводу ром. «Некуда», Библ. для Чтенія.

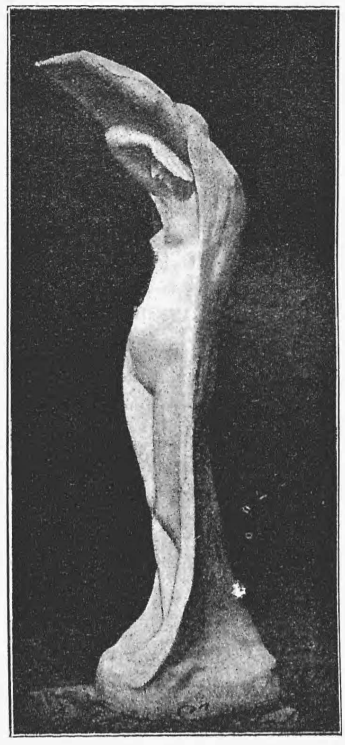
**) Имя Эдуарда Ганслика, знаменитаго музыкальнаго критика, еще въ 1885 г. издавшаго свой извѣстный трудъ «Von Musikalisch-Schönen»—слишкомъ популярно, и всякую рекомендацію мы считаемъ излишнею. Статья о Верди, появившаяся сперва въ фельетонахъ «N. Freie Pr.», гдѣ Гансликъ работалъ съ 1864 г., впослѣдствіи вошла въ изданный въ Берлинѣ сборникъ «Die moderne Oper», откуда и переведена любезнымъ переводчикомъ, скрывшимъ свое популярное въ театральныхъ сферахъ имя подъ иниціалами Я. П. П.

Прим. ред.

для европейца они всѣ на одно лицо. Но все же нельзя не признать, что и соотечественники Верди проявили по поводу первыхъ его опытовъ тончайшее, такъ сказать, верхнее чутье. Слѣдующая опера Верди: „I Lombardi alla prima Crociata“ была принята въ Миланѣ еще восторженнѣе „Набукко“. Либретто этой оперы—того же Салера—образецъ безвкусицы и туманности. Я никогда не могъ понять въ первомъ актѣ, что хочетъ одинъ братъ, чего другой? которое изъ дѣйствующихъ лицъ мать, которое—дочь? откуда вражда? зачѣмъ месть? Подъ конецъ одно только выясняется: герой оперы, Пагано, убиваетъ за сценою вмѣсто брата отца и въ отчаяніи отъ своей ошибки, оставляетъ Миланъ. Во второмъ актѣ мы находимъ все общество въ Антіохіи и ни одинъ членъ его (какъ и публика) не знаетъ, какъ попали туда остальные. Пагано живетъ отшельникомъ въ пещерѣ, братъ его Арвино идетъ крестоносцемъ въ Іерусалимъ, дочь послѣдняго Жизельда царитъ фавориткою въ сералѣ султана. Въ третьемъ актѣ всѣ ополчились въ крестовый походъ: отшельникъ Пагано (неузнаваемый своими) ведетъ Арвино и его соратниковъ; эксъ-фаворитка Жизельда слѣдуетъ за ними монахиней, а влюбленный въ нее эксъ-мусульманинъ принцъ Оронте въ качествѣ крестопосца. Оронте смертельно раненъ и Жизельда приводитъ его въ пещеру, гдѣ онъ принимаетъ отъ Пагано крещеніе. Финальное тріо между ними, съ блестящимъ скрипичнымъ соло—лучшій, музыкальнѣйшій номеръ оперы. На долю четвертаго акта ничего не остается, какъ заставить и Пагано получить рану: наконецъ, его умирающаго (замѣчательно поздно) узнаютъ родные. Передъ тѣмъ публику угощаютъ еще видѣніемъ Жизельды, съ цѣлымъ сонмомъ духовъ (живая картина), съ загробнымъ пѣніемъ отошедшаго въ вѣчность Оронте (который, впрочемъ, самъ за сценою поетъ въ добромъ здравіи нѣчто въ родѣ серенады изъ Трубадура). „Это не былъ сонъ“ восклицаетъ Жизельда по исчезновеніи видѣнія и поетъ веселое бойкое аллегро F-dur, вставленное потомъ Верди въ партію Эльвиры въ „Эрнани“ и потому общеизвѣстное. И такъ мы имѣемъ здѣсь монахиню, выражающую свои религіозныя чувства тѣми же самыми звуками, той же мелодіей, въ какой огненная Эльвира изливаетъ свою страсть къ атаману бандитовъ. Аллегро, одинъ изъ первыхъ цвѣтковъ специфическаго вердіевсваго стиля, производитъ приблизительно такое же впечатлѣніе, какъ если-бы кто нибудь внезапно прыгнулъ въ окно или угостилъ васъ звонкой пощечиной. Музыка въ „Ломбардцахъ“ частью груба и тривіальна, частью скучна и водяниста: въ сравненіи съ нею „Трубадуръ“ и „Травіата“ образцовыя произведенія. Немногіе номера составляютъ исключеніе: въ Италіи, кромѣ упомянутаго тріо, пользовался большою популярностью одинъ мужской хоръ замѣчательной изысканной пошлости. Славную культуру несутъ эти крестоносцы на Востокъ, нечего сказать!

За „Ломбардцами“ послѣдовалъ „Эрнани“, данный впервые въ Венеціи въ мартѣ 1844 года. Это лучшее произведеніе Верди изъ до-риголеттовскаго періода и единственное, удержавшееся въ репертуарѣ на всѣхъ италіанскихъ сценахъ. Я уже упомянулъ, что соотечественники Верди еще ранѣе подмѣтили у него элементъ новый, сродный нарождающимся національнымъ тенденціямъ, но элементъ этотъ, вообще говоря, прошелъ незамѣченнымъ заграницею, и только въ „Эрнани“ выступилъ ярко и рѣзко. Новизна заключалась въ большей (сравнительно съ Беллини и Доницетти) ритмической живости и увлекающей энергіи. Правда, сила эта и живость были пока еще пропитаны грубостью и часто доведены до карикатуры, но все же Верди чутко понялъ, чѣмъ можно обновить расплывчатую мягкость Беллини, нарядную виртуозность Россини и колеблющійся между ними эклектизмъ Доницетти. Уже Доницетти (а еще болѣе его бездарные послѣдователи), кажется изысканнымъ, сравнительно съ простотою Беллини, этого послѣдователя и представителя неаполитанской школы. Мелодіи Доницетти живѣе, аккомпаниментъ болѣе шумный, эффекты рѣзче и многочисленнѣе; а все вмѣстѣ идетъ довольно рѣшительно по направленію къ тривіальности, но все-же и у него пѣвучая мелодія еще не утратила своей власти и искусство „bel canto“, хотя далеко уже не на прежней высотѣ, но все еще существовало. Теперь же, на мѣсто этихъ остатковъ „чистаго искусства“ и, пожалуй, искусственности, выступаетъ ясно опредѣленный натурализмъ. Для того, чтобы выступить послѣ Доницетти на болѣе удачный, на половину—новый путь, нужно было немногое: слѣдовало только счастливому реформатору матеріализировать, такъ сказать, его музыку, усилить все энергическое, страстное въ ней и дать еще менѣе мѣста начинающей уже всѣмъ надоѣдать элегичности „bel canto“. Оставалось затѣмъ перещеголять оперы Доницетти массою эффектовъ: увеличеніемъ оркестра, болѣе широкимъ примѣненіемъ хора рядомъ и сравнительно съ соло, наконецъ драматизмомъ выраженія. Въ этомъ стремленіи, какъ видитъ читатель, было вѣрное предчувствіе музыкальныхъ требованій: перехода оперы отъ простаго благозвучія къ драматизму. Эрнани и есть именно выраженіе этого предчувствія, но далѣе этого опера не идетъ. Либретто, какъ извѣстно, передѣлано изъ драмы того же названія В. Гюго. Французскій поэтъ энергически протестовалъ противъ представленія оперы. Это было повтореніе исторіи, разыгравшейся за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ (1840 г.) по поводу Лукреціи Борджіи, передѣланной Доницетти изъ его драмы. Въ дѣлѣ литературной собственности французы шутить не

ПАРИЖСКІЙ САЛОНЪ.



Соранзенъ. — «Н о ч ь».

любятъ и Гюго добился запрещенія постановки „Лукреціи“; опера подверглась безсмысленнѣйшей передѣлкѣ, изъ Лукреціи сдѣлали „La Renegata“, изъ аристократовъ папскаго двора—турокъ. При появленіи Эрнани тѣ же вздохи и мольбы парижскихъ меломановъ о постановкѣ, тотъ же протестъ разгнѣваннаго поэта. Въ добавокъ, въ это же самое время и нѣсколько другихъ писателей, ободренные успѣхомъ Гюго, также наложили запреты на пьесы италіанскихъ либреттистовъ, безцеремонно выкраивавшихъ свои либретто изъ чужого добра и чужой мысли. Право было, конечно, на ихъ сторонѣ вмѣстѣ же съ тѣмъ нельзя было не обратить вниманія на печальное положеніе оперныхъ директоровъ, рисковавшихъ остаться этимъ путемъ vis-à-vis de rien. Пошли на сдѣлку: италіанскіе пираты согласились платить извѣстную дань со всякой передѣланной пьесы, и султанъ французскаго романтизма успокоился. Съ точки зрѣнія частнаго права—Гюго дѣйствовалъ вполнѣ основательно: дѣло шло о серьезномъ вопросѣ; что же касается профанаціи искусства—врядъ ли стоило подымать такой шумъ. Безпристрастному зрителю пьесы Гюго кажутся скорѣе либретто, къ которымъ еще не написана музыка, чѣмъ трагедіями, уже впослѣдствіи изуродованными музыкою. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, герой Гюго—Эрнани, Эльвира, король Карлъ, да и самъ старикъ донъ Сильва—когда я глядѣлъ на нихъ и слушалъ ихъ рѣзкую, неестественную декламацію на сценѣ Théâtre français казались еще невозможнѣе и нелѣпѣе, чѣмъ ихъ поющіе двойники.

Съ Эрнани началось владычество Верди надъ италіанскими сценами: ему даже не пришлось бороться ни съ однимъ серьезнымъ соперникомъ. Въ этой операѣ мы видимъ впервые ярко выступающую физіономію Верди, ту смѣсь энергіи и страстности съ грубостью и тривіальностью, къ которымъ мы такъ привыкли. Однако, не смотря на много скучнѣйшихъ, даже ребяческихъ сценъ — поневолѣ увлекаешься эффектными финалами I-го и II-го акта, терцетомъ между Эрнани, Эльвирою и Королемъ, аріею „Сопрано“ послѣднимъ тріо. Если прибавить къ этому знаніе голосовъ, удобныя и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени благодарныя для исполненія партіи, то понятно, что „Эрнани“ вскорѣ завоевалъ себѣ полъ-міра.

Затѣмъ идетъ шести-лѣтній періодъ, между „Эрнани“ и „Риголетто“,—неудачъ для Верди,—цѣлая вереница плохихъ и нелѣпыхъ оперъ. „Фоскари“ былъ принятъ въ Римѣ такъ холодно, что нечего было и думать о пересадкѣ этого растенія на иностранную почву. Плодъ слѣдующаго года (1845) „Іоанна д'Аркъ“ тоже пала въ Миланѣ. Укажемъ мимоходомъ, до какой степени доходитъ бѣдность новостей въ области оперы: благодаря ей нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта самая Іоанна была поставлена въ Вѣнѣ и (въ 1868 г.) въ Лондонѣ. „Орлеанская дѣва“ Верди принадлежитъ, какъ и „Ломбардцы“, къ тѣмъ его операмъ, въ которыхъ нѣтъ еще и тѣни французскаго вліянія, характеризующаго его позднѣйшія произведенія. Обстоятельство это можно разсматривать какъ угодно—и съ хорошей, и съ дурной стороны. Въ отношеніи мелодическаго изобрѣтенія „Giovanna“ не только бѣднѣе позднѣйшихъ оперъ того же маэстро, но прямо жалкая нищая. За исключеніемъ 2-3-хъ чисто уличныхъ арій, словно молотами бьющихъ барабанную перепонку (хоръ демоновъ въ 1-омъ актѣ, коронаціонный маршъ во 2-мъ) опера до того наивна, скучна и самодовольно безцвѣтна, что обезоруживаетъ всякую критику. Сюжетъ обработанъ съ такой дѣтской незатѣйливостью, что почти завидно становится: все дѣйствіе проходитъ между Іоанной, ея отцомъ и Королемъ. Іоанна кстати беретъ на себя роль Агнесы Сорель: она любитъ Короля. Любовь борется въ ея душѣ съ сознаніемъ ея высокой миссіи; и дѣйствительно, странно было бы такой патріоткѣ любить Короля, который посреди общаго несчастія только и знаетъ, что распѣвать польки. Неопытный композиторъ—Бетховенъ, напримѣръ, постарался бы представить этотъ внутренній раздоръ психологически; Верди берется за дѣло гораздо проще и эффектнѣе: Іоанна спокойно стоитъ посреди сцены, грѣшныя мысли ея представлены невѣдомымъ хоромъ демоновъ, горланящихъ невозможный вальсъ на слова: „Giovenèu, Belzebù“. Вслѣдъ затѣмъ ангелы за сценой и флейты въ оркестрѣ олицетворяютъ принципъ добра. Орлеанская дѣва поочередно подвергается музыкальнымъ душамъ, то злого, то добраго начала. Въ партитурѣ ясно написано: „одна душа Іоанны слышитъ этотъ хоръ“, но слушающему и страждущему зрителю отъ того не легче.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь
г. Редакторъ!

Позвольте черезъ посредство Вашего уважаемаго органа познакомить товарищей и публику, съ крайне назидательной картинкой нравовъ, наглядно рисующей безпомощность сценическаго дѣятеля, при неизбѣжныхъ столкновеніяхъ съ недоброкачественными элементами печати.

Поступивъ режиссеромъ въ театръ „Озерки“, я былъ неоднократно предупрежденъ, что въ труппѣ служитъ нѣкая г-жа Тонская, актриса, которую я, несмотря на свою долголѣтнюю сценическую практику, нигдѣ никогда не встрѣчалъ, и что она принята въ труппу на солидный окладъ вслѣдствіе происшедшаго зимою въ театрѣ „Фарсъ“ „инцидента“, въ подробности котораго я не считаю удобнымъ вдаваться. Столкнувшись съ г-жей Тонской на Пасхѣ, во время спектаклей въ Панаевскомъ театрѣ, я убѣдился, что имѣю дѣло съ актрисой, не обладающей никакими данными для того, чтобы занимать соотвѣтствующее положеніе въ серьезномъ театральномъ дѣлѣ. Претензіи же г-жи Тонской были непомѣрны. Достаточно сказать, что подъ рукой мнѣ было заявлено о томъ, чтобы ее ставили въ красную строку и, конечно, одной мысли объ этомъ достаточно было, чтобы вызвать негодованіе всей труппы. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ приглашеніе артистовъ зависитъ не отъ меня, я былъ поставленъ въ необходимость занимать ее въ спектаклях и послалъ ей двѣ роли въ „Контролерѣ спальныхъ вагоновъ“ и „Двухъ Подросткахъ“. Впечатлѣніе было крайне тягостное, и я еще разъ убѣдился, что выпускать г-жу Тонскую на сцену въ сколько-либо серьезномъ репертуарѣ невозможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми было обращено вниманіе на то, что въ этотъ предварительный, такъ сказать, періодъ пререканій, театръ „Озерки“ неуклонно и систематически замалчивался въ „Пет. Листкѣ“. Было ли оно убыточно для антрепренера или нѣтъ—я не знаю, да и не входилъ въ это, какъ, къ чести его, не входилъ и г. Казанскій.

Такъ шло до постановки „Стараго закала“. Распредѣляя роли, я отдалъ роль Людмилы г-жѣ Граповской, артисткѣ безусловно способной и вполнѣ для этой роли пригодной. Тогда г-жа Тонская, вызвавъ меня на площадку театра, публично обозвала меня „нахаломъ“, грозила, что она со мной разсчитается и пр. Признаться, я не придалъ этимъ угрозамъ никакого значенія. Но когда на слѣдующій день редакторъ „Петербургскаго Листка“ г. Скроботовъ прислалъ черезъ управляющаго театромъ г. Зельцера редакціонный билетъ для входа въ театръ, разорванный пополамъ, когда въ то же время я сталъ слышать угрозы, что насъ съѣдятъ или по любимому выраженію этой „редакціонной семьи“, „у всѣхъ пойдетъ кровь горломъ“, если г-жу Тонскую не примутъ обратно въ труппу

и не дадутъ ей вести весь репертуаръ,—тогда я сталъ серьезно опасаться послѣдствій и хотѣлъ уйти изъ труппы. Но г. Казанскій моей отставки не принялъ. Опасенія оправдались. Послѣ періода упорнаго замалчиванія, черезъ г. Зельцера стало извѣстно, что г. Скроботовъ обѣщалъ прислать г. Россовскаго, своего рецензента, который, очевидно, посылается въ нужныхъ случаяхъ, такъ какъ „въ средствахъ не стѣсняется“. Передъ спектаклемъ я встрѣтилъ г. Россовскаго и изъ разговора съ нимъ убѣдился, что инструкціи имъ получены надлежащія. По крайней мѣрѣ, предваряя меня о томъ, что онъ будетъ „ругать“, г. Россовскій, какъ бы смягчая пилюлю, прибавилъ: „по долгу службы“. Дѣйствительно, во вторникъ 22 іюня, въ „Петербургскомъ Листкѣ“ появилась возмутительная по лживости и крайнему пристрастію рецензія, написанная тѣмъ пошлымъ и близкимъ къ языку лакейщины, слогомъ, который является отличительной чертой этого „по долгу службы дѣйствующаго рецензента“. Пріемъ былъ прекрасный—написано, что пьеса прошла безъ хлопка. Театръ почти полонъ—начертано: „сборъ приличенъ“. Въ числѣ режиссерскихъ „промаховъ“ указаны керосиновыя лампы „системы доктора Лаврентьева“. Такова система „Петербургскаго Листка“.

Я—провинціальный актеръ, и съ правами петербургской прессы знакомъ мало. Говорятъ, нѣсколько лѣтъ назадъ администрація вмѣшалась въ разныя темныя дѣла, и взыскала съ виновныхъ за поборы. Это хуже, чѣмъ поборы. Это—вторженіе, систематическое и зловредное, во внутреннюю жизнь театральнаго предпріятія, несущее съ собою ложь, извращеніе художественныхъ задачъ театра, растлѣніе нравовъ, разрушеніе основъ самаго дѣла. Заканчивая настоящее свое письмо, я выражаю надежду, что оно не останется незамѣченнымъ, и честные органы печати обратятъ вниманіе на тайны нѣкоторыхъ рецензій. Правда, когда я выразилъ намѣреніе предать гласности всю эту исторію, мнѣ замѣтили, что газеты де будутъ за „Пет. Листокъ“, но я этому не вѣрю, и въ этомъ убѣжденіи остаюсь.

Прим. и пр. *А. Звѣздичъ.*

ХРОНИКА

театра и искусства.

Предстоящій сезонъ (1899—1900) театра Литературно-Артистическаго кружка (Малый театръ) откроется въ первую сентябрьскую субботу, т. е. 4-го сентября. Репетиціи начнутся съ 20 го августа. Ближайшею новинкою сезона будетъ историческая драма Дюма-отца, въ переводѣ К. Военскаго и Н. Северина—„За королеву“, знакомая читателямъ нашего журнала и напечатанная въ приложеніяхъ нашего журнала за 1898 г. Затѣмъ намѣчены къ постановкѣ „Макбетъ“, „Вокругъ пылающей Москвы“ 5-актная пьеса въ стихахъ А. Н. Мосолова, основанная на сюжетѣ извѣстнаго романа „Рославлевъ или русскіе въ 12 году“, „Гордынъ“ В. Самойлова, изъ эпохи Петра Великаго, „Преступленіе и наказаніе“, драматическія сцены въ 10 картинахъ съ эпилогомъ, извлеченныя Я. А. Дельеромъ изъ романа Ѳ. М. Достоевскаго.

* * *

Московскій художественно-общественный театръ начнетъ зимній сезонъ 30-го сентября постановкой пьесы А. В. Чехова „Дядя Ваня“, которую забраковалъ ученый ареопагъ, засѣдающій въ театрально-литературномъ комитетѣ. Затѣмъ будетъ поставлена первая часть трилогіи гр. Ал. Толстого „Смерть Іоанна Грознаго“. Въ роли Грознаго будутъ чередоваться гг. Станиславскій и Мейерхольдъ. Какъ извѣстно, этотъ театръ пріобрѣлъ отъ наслѣдниковъ гр. Толстого исключительное право на постановку всей его трилогіи.

* * *

Въ понедѣльникъ, 28-го іюня, въ 1 ч. дня въ новомъ помѣщеніи Бюро и Канцеляріи Совѣта Русскаго Театральнаго Общества по Караванной ул. д. № 9, кв. № 6, имѣетъ быть отслуженъ молебенъ по случаю переѣзда.

* * *

Со смертью проф. Эверарди въ московской консерваторіи освободилась каѳедра пѣнія, для которой еще не подыскано лицо. Въ послѣднее время говорятъ о двухъ кандидатахъ на эту каѳедру: артистѣ с.-петербургскихъ императорскихъ театровъ Тартаковѣ и извѣстномъ французскомъ оперномъ пѣвцѣ Девойодѣ.

Въ случаѣ, если г. Тартаковъ займетъ эту каѳедру, онъ будетъ просить о переводѣ его на сцену московскаго Большого театра.

* * *

Въ одесскихъ газетахъ находимъ существенныя поправки къ переданнымъ въ «Русск. Листкѣ» свѣдѣніямъ объ убійцѣ Рощина-Инсарова, о художникѣ Маловѣ, который будто бы выѣхалъ изъ Кіева въ Крымъ и котораго восторженно провожали дамы «съ букетами». Между тѣмъ Маловъ, по выходѣ изъ тюрьмы, никуда изъ Кіева еще не выѣзжалъ. Живетъ онъ съ матерью и сестрой. Жена его, по сценѣ г-жа Пасхалова, послѣ убійства Рощина-Инсарова ни разу съ Маловымъ не видалась и онъ не искалъ свиданія съ нею. Поэтому застрахованіе жизни г-жею Пасхаловой можетъ быть вызвано простымъ ея житейскимъ расчетомъ, а не угрожающими со стороны Малова поступками. Никакой боязни за растерзаніе его уличной толпою Маловъ ни разу не испытывалъ и свободно выходитъ изъ дому куда и когда ему угодно. Остается же онъ еще въ Кіевѣ вслѣдствіе болѣзни сестры, до ея выздоровленія.

* * *

«Царь Ѳеодоръ» въ Кишиневѣ дѣлъ не сдѣлалъ. По словамъ мѣстной газеты, у товарищества вышли какія-то недоразумѣнія съ антрепренеромъ, второй спектакль не далъ полнаго сбора, а г. Орленевъ заболѣлъ. Въ настоящее время товарищество даетъ спектакли въ Варшавѣ въ Большомъ театрѣ.

* * *

„Краткій повторительный курсъ любимѣйшихъ публикою оперъ“,—вотъ вѣрный второй „подзаголовокъ“ оперы Пуччини „Богема“. Слушаешь эту музыку легкую, но лишенную индивидуальности и оригинальности,—и привѣтствуешь старыхъ знакомыхъ, любимцевъ давнихъ дней, лишь слегка, для отвода глазъ, модифицированныхъ. При такихъ пріемахъ творчества, конечно, не можетъ быть рѣчи о какихъ-нибудь характеристикахъ, о музыкальныхъ типахъ. И добро бы, еслибъ сюжетомъ для такого музыкальнаго винигрета авторъ избралъ какую-нибудь жестокую мелодраму, съ ея преувеличеніями и неестественностями. Но нѣтъ—это такое своеобразное явленіе, какъ музыка къ одному изъ поэтичнѣйшихъ произведеній французской литературы, иллюстрировавшей жизнь литературной богемы. Получилось нѣчто безобразное. Вмѣсто беззаботныхъ мечтателей, пріютившихся на мансардахъ, ухитряющихся сохранить юношескій пылъ, не смотря ни на какія жизненныя невзгоды,—мы видимъ въ оперномъ либретто какихъ-то трактирныхъ завсегдатаевъ, въ свободное отъ разгула время распѣвающихъ чувствительныя аріи и превращающихся въ заправскихъ оперныхъ любовниковъ: Мими—уже не парижская гризетка, правда, нѣсколько идеализированная въ романѣ Мюрже, а нѣчто среднее между Маргаритой изъ „Маленькаго Фауста“ и Маргаритой Готье. Конечно, больно за автора, который нашелъ такого плохого музыкальнаго иллюстратора, но можно было бы помириться со всѣми недостатками этой оперы, если бы авторъ ея не претендовалъ на званіе музыкальнаго новатора на своей родинѣ и еслибъ о его новомъ твореніи не шу-

Пуччини.

мѣла своевременно крикливая реклама. Да, сколько бы гг. Сонцоньо и Риккорди не соперничали въ изысканіи новыхъ музыкальныхъ геніевъ, сколько бы они ни поощряли ихъ щедрыми преміями и ни мусировали ихъ всѣми средствами могущественной рекламы, — все же эти Масканьи, Леонковалло, Пуччини и tutti quanti останутся только или простыми плагіаторами, или подражателями чужому стилю, между тѣмъ какъ „старики“ будутъ также говорить сердцу слушателя черезъ много лѣтъ, какъ говорятъ теперь, какъ говорили и нашимъ предкамъ. И секретъ этого обаянія заключается въ томъ, что у нихъ было то, чего нѣтъ у современныхъ преемниковъ: былъ талантъ, а стало быть,—оригинальность.

Исполняется „Богема“ на аркадійской сценѣ прекрасно. Г-жа Папаянъ дала яркій образъ страдающей женщины

ТЕАТРЪ «ОЛИМПІЯ».

«Куколка», нов. оперетка Одрана

«Жоссъ» «Алесія».

и заставляла забывать о шероховатостяхъ либретто. Пѣла весьма тонко и отлично фразировала. Пріятельскій квартетъ (Рудольфъ, Марсель, Шонаръ и Коллинъ) былъ представленъ отлично въ лицѣ гг. Борисенко, Максакова, Гладкова и Горяинова. Трогательно прощѣлъ г. Горяиновъ прощаніе съ своей альмавивой. Маленькое замѣчаніе по адресу г. Борисенко: напрасно онъ съ такимъ пафосомъ передаетъ любовныя томленія Рудольфа, который и безъ того утрированъ въ операѣ и обращенъ въ Фауста. Г-жа Картавина, въ роли Мюзетты, даетъ слишкомъ вульгарный типъ. Мюзетта хотя и представляется типичной гризеткой, питающей тяготѣніе къ латинскому кварталу, но все же не надо забывать, что она уже набралась лоску и даже временами переходитъ въ отборные ряды парижскаго demi mond'а.

Полутонъ.

* * *

Въ свой послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ польская труппа познакомила насъ съ нѣкоторыми пьесами, пользующимися большой популярностью въ Варшавѣ. Въ числѣ ихъ была поставлена и «Lena» М. Яссенчика, неимѣвшая, однако, у насъ того шумнаго успѣха, какой выпалъ на ея долю въ Варшавѣ. Впрочемъ, и варшавскій успѣхъ пьесы отчасти объясняется тѣмъ, что въ заглавной роли при первой постановкѣ выступила г-жа Висновская, воспоминаніе о которой живо и теперь среди поляковъ. Самая пьеса, какъ говорятъ, была написана спеціально для этой артистки. Впрочемъ, въ пьесѣ есть нѣсколько эффектныхъ мѣстъ, благодаря которымъ она смотрится съ извѣстнымъ интересомъ. Переводъ ея поэтому на русскій яз. былъ бы не лишнимъ, но Е. М. Бабецкій, написавшій пьесу «Скошенные цвѣты», воспользовался только самымъ сюжетомъ (и то отчасти) и на немъ построилъ самодѣльную драму, полную курьезовъ и въ литературномъ, и въ сценическомъ отношеніи. Передавать содержаніе пьесы не стоитъ, да и едва ли это возможно, такъ какъ изложить послѣдовательно всѣ несуразности, которыя продѣлываютъ выведенныя лица—немыслимо. Въ пьесѣ только и есть одно живое лицо—это баронъ фонъ-Флокъ. Что же касается остальныхъ, то это какіе-то опереточные персонажи, да и то списанные изъ другихъ пьесъ. Такъ, напр., Нагаринъ — неудачный прототипъ Адашева изъ суворинской «Татьяны Рѣпиной», Лигницъ—копія банкира изъ той же пьесы и т. д. «Оригинальности» автора не хватило даже на то, чтобы, болѣе или менѣе удачно, скомпановать выкроенное изъ другихъ пьесъ. Странно, что г. Тинскій поставилъ этотъ вздоръ на сценѣ оранienбаумскаго театра. Неужели только потому, что въ пьесѣ для г. Тинскаго имѣется прекрасная роль?.. Что же сказать про исполненіе?.. Г. Тинскій хорошо сыгралъ хорошую роль барона фонъ-Флока. Подобные негодяи и эгоисты — жанръ г. Тинскаго. Обидно было за г-жу Райскую, которой пришлось изображать Мусю, этотъ сбивчивый и совершенно невыяснившійся въ пьесѣ характеръ. Въ первыхъ актахъ артистка старалась сгладить шероховатости автора и внесла въ свое исполненіе много простоты и мягкой женственности. Но въ четвертомъ актѣ у артистки не хватало нервнаго напряженія и того подъема, которыхъ требуетъ роль. Приличнымъ Нагаринымъ былъ г. Хворостовъ. Зато остальные исполнители были очень слабы. Если справедливъ афоризмъ, что «плохую пьесу талантливые актеры не могутъ сыграть хорошо», то всѣ артисты и артистки въ трупѣ г. Тинскаго—таланты. Совсѣмъ слабъ былъ г. Шмидгофъ (Завалишинъ).

Вл. Линскій.

* * *

Представитель опернаго товарищества г. Максаковъ получилъ письменное предложеніе отъ берлинскаго импрессаріо, доставившаго берлинцамъ удовольствіе видѣть М. Г. Савину, — прибыть съ своимъ товариществомъ предстоящей зимой для постановки въ королевскомъ театрѣ исключительно русскихъ оперъ. Г. Максаковъ предполагаетъ поставить съ полной новой обстановкой оперы: „Жизнь за Царя“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Пиковая дама“, „Князь Игорь“ и „Демонъ“. Кромѣ Берлина, импрессаріо намѣренъ показать русскую оперу и въ другихъ городахъ Германіи.

* * *

Въ Ростовѣ-на-Дону на-дняхъ, по словамъ «Приаз. Кр.», во время спектакля произошелъ несчастный случай на открытой сценѣ Александровскаго сада. Въ то время, когда «американскіе стрѣлки», исполняя свой номеръ, произвели выстрѣлъ, за кулисами раздался женскій вопль. «Кто-то убитъ!» пронеслось по рядамъ переполошившихся зрителей. Оказалось, что произошло маленькое несчастье съ пѣвицей Донской. Перебѣгая съ одного конца сцены на другой, она была ранена пулей въ руку. Рана не опасна, къ счастью, но очень опасны эти «американскіе стрѣлки». Право, эти опыты à la Вильгельмъ Тель пора сдать въ архивъ.

* * *

Второй спектакль Драматическаго Кружка въ Коломягахъ, 18 іюня («Дачный мужъ» и «Роковая скамейка») окончательно подтвердилъ высказанное уже нами мнѣніе о слишкомъ «легкомъ» отношеніи администраціи Кружка къ дѣлу. Нельзя, при отсутствіи достаточнаго числа опытныхъ исполнителей, ставить пьесу, особенно фарсъ, съ 2—3 и при томъ очевидно тоже «легкихъ» репетицій. Вѣдь Кружокъ, судя по уставу, преслѣдуетъ извѣстныя цѣли—«служитъ искусству», а несерьезно ничему служить нельзя. Изъ исполнителей болѣе или менѣе отмѣтимъ г. Мальскаго—Чебыкина и г. Сѣрова—Хохрякова.

Зритель.

* * *

Во вторникъ, 22 іюня, состоялся въ Озерковскомъ театрѣ бенефисъ и прощальный спектакль З. В. Холмской. Бенефиціантка выступила въ этотъ день въ роли Агаши въ пьесѣ И. А. Салова «Степь—матушка». Наибольшій успѣхъ выпалъ, разумѣется, на долю З. В. Холмской, которой поднесено нѣсколько корзинъ цвѣтовъ и цѣнный подарокъ. Изъ другихъ исполнителей отмѣтимъ гг. Михайлова, Звѣздича и Новикова.

Lo.

* * *

Въ субботу, 19 іюня, въ «Акваріумѣ» состоялся первый спектакль берлинской опереточной труппы, подъ управл. Шульца. Для этого спектакля была выбрана оперетта «Гаспаронъ». Исполненіе было—въ общемъ—недурное, но такихъ артистовъ, какъ прошлогодніе вѣнцы—г-жа Стоянъ и г. Шпильманъ—въ труппѣ нѣтъ. Похвалы заслуживаютъ г-жи Вольфъ и Вердье и г. Шульцъ. *Lo.*

* * *

Намъ присланъ изъ Екатеринослава Н. Н. Синельниковымъ отчетъ о дѣлахъ товарищества драматическихъ артистовъ.

Всѣхъ спектаклей 52 за время отъ 20 апрѣля по 14 іюня. Валовой сборъ—20,562 р.

Г. Линтвареву—по 125 р. отъ спектакля (за театръ, освѣщеніе, рабочихъ, капельдинеровъ, кассира и 500 аршинъ полотна, на которомъ написаны, декораціи красками, принадлежащими товариществу, и которыя остались въ пользу Линтварева)—6,500 р. Жалованье служащимъ (артисты, получающіе до 100 р., получали обязательное жалованье, декораторъ, бутафоръ, парикмахеръ, портные, разсыльный)—2,447 р. 50 коп. Разные расходы: авторскіе, пѣвчимъ, музыкантамъ, дорожные, декораціи, свѣчи для сцены и уборныхъ, лѣсъ, анонсы, расклейка афишъ, прокатъ мебели, піанино, библіотека, статисты и проч.—3,960 р. 50 к. Раздѣлили товарищи за одинъ мѣсяцъ и 25 дней 7,654 р. по 1 р. 64 к. на марку (марка цѣнилась номинальнымъ рублемъ зимнихъ окладовъ).

Наибольшіе сборы: «Измаилъ» 10 разъ (отъ 28 апр. по 7 іюня)—5.500 р., «Новый міръ» 7 спект. (отъ 15 мая по 12 іюня)—3,200 р., «Царь Ѳедоръ» 7 спект. (отъ 1 іюня по 13 іюня)—3,940 р. Г. Бухарину за право постановки «Измаила» (по 60 р. спект.)—600 р. Наслѣдникамъ гр. Ал. Толстого (10% съ валоваго сбора) 394 р.

Представитель товарищества *Н. Синельниковъ.*

* * *

Спектакли въ путиловскомъ заводѣ идутъ своимъ чередомъ. Въ воскресенье, 20 іюня, исполнена была пьеса Влад. Александрова «Въ селѣ Знаменскомъ». До сихъ поръ свободное амплуа бытового любовника не безъ извѣстнаго успѣха занялъ г. Ланни-Богдановскій. Изъ артистовъ, всегда добросовѣстно относящихся къ дѣлу, надо отмѣтить: гг. Казанцева, Ронскаго, Аннина. Въ непродолжительномъ времени откроется лѣтній садъ и театръ.

* * *

Около мѣсяца тому назадъ, въ клубѣ на Удѣльной начались спектакли, даже съ нѣкоторой роскошью въ этомъ году. Новый антрепренеръ, Д. А. Гирвидзъ, пригласилъ (кромѣ піаниста) духовой оркестръ для сада и двѣ труппы для театра. Одна играетъ по воскресеньямъ и праздникамъ, подъ управленіемъ С. А. Трефилова, другая, въ будни (разъ въ недѣлю, а то и рѣже,—пока было два спектакля), подъ управленіемъ Н. М. Михайлова, парголовская труппа.

Широковѣщательныя, рекламныя афиши г. Трефилова, праздничные дни его спектаклей почти обезпечиваютъ полный сборъ, привлекаютъ много публики и очень невыгодно отражаются на спектакляхъ г. Михайлова, у котораго и репертуаръ старый, до нельзя заигранный, скучный, и силы слабѣе. Были примѣры, что сборъ у первой труппы былъ около 400 р.—явленіе небывалое на Удѣльной—а у второй... девять съ копѣйками! («На порогѣ великихъ событій»—у Трефилова, 23 мая, открытіе. «Свадьба Кречинскаго»—у Михайлова, тоже открытіе, но черезъ день, 25 мая). Хотя и у г. Трефилова не безъ обмана: старое выдаетъ за новое, чужое—за свое. Такъ, старую, всѣмъ извѣстную пьесу Сарду, въ передѣлкѣ В. Крылова «Надо разводиться» онъ называетъ «новой», мѣняетъ названіе, имена дѣйствующихъ лицъ и ставитъ на афишѣ: «Урокъ жизни». Комедія С. А. Т. (?!). Актеры весь спектакль путаются и сбиваются, называя, по старому, дѣйствующихъ лицъ: Николая — Анатоліемъ, Вѣру — Лидіей, мужа Зотова—Шубинымъ, и т. д.

Послѣднимъ спектаклемъ у г. Трефилова была драма «Трильби»; обѣщаютъ «Злую яму» и... и «Графа де-Ризоора»!—вѣроятно, тоже въ передѣлкѣ, ибо не на мѣстной сценѣ и не съ мѣстными же силами его играть!

Г. Михайловъ пробавляется «Свадьбой Кречинскаго» и «Безъ вины—виноватыми».

Первая труппа играетъ дружнѣе, живѣе, хотя съ сильными колѣнцами, присущими «трефиловской» школѣ... Его актеры всегда очень смахиваютъ на клоуновъ: шлепаются, сталкиваются, ползаютъ, взбираются на столы, только на головахъ не ходятъ! Невзыскательной публикѣ это иногда нравится, аплодируютъ и хохочутъ. У г. Михайлова играютъ не такъ ровно, не такъ гладко, но меньше балаганятъ.

* * *

6-го іюня въ Бланкенбургѣ на Гарцѣ скончался К. Я. Лютшъ, бывшій профессоръ петербургской консерваторіи по классу фортепіано. К. Я. пользовался большою извѣстностью, какъ педагогъ. Его ученики всегда отличались прекрасной постановкой и солиднымъ техническимъ развитіемъ рукъ. Большимъ распространеніемъ пользуются его сборники фортепіанныхъ пьесъ разныхъ композиторовъ, систематически расположенные съ разсчетомъ на постепенное развитіе учащихся.

* * *

Для предстоящаго сезона въ Маломъ театрѣ очень дѣятельно готовятъ «Эгмонда», который будетъ поставленъ не только заново, но и съ особенной тщательностью. «Эгмондъ» пойдетъ первою новинкой на Малой сценѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

ТЕАТРЪ «ОЛИМПІЯ».

«Куколка», новая оперетта Одрана.
Гр. де-Лоремуа (г. Улихъ). Г. де-Шантрель (г. Щетининъ).

Вопли антрепренеровъ.

(Изъ писемъ въ редакцію).

I.

Милостивый Государь,
г. Редакторъ!

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Петербургской Газеты» былъ описанъ случай бѣгства опереточной артистки, служившей въ Петербургѣ, въ самый разгаръ сезона, въ Москву, куда ее переманили въ другой театръ.

Описанный случай произошелъ именно въ моемъ театрѣ «Олимпія», а такъ какъ я не вижу никакого основанія скрывать фамилію названной артистки, то и позволяю убѣдительно просить васъ помѣстить настоящее письмо мое на страницахъ уважаемаго журнала вашего, хотя-бы уже по одному тому, что вопросъ о безнаказанномъ произволѣ нѣкоторыхъ артистовъ, глумящихся надъ обязательствами, формулированными подписываемыми ими контрактами, имѣетъ несомнѣнно принципіальное значеніе и долженъ обратить на себя вниманіе Русскаго Театральнаго Общества, благодаря своимъ полномочіямъ, имѣющаго возможность уничтожить это печальное явленіе.

Моя просьба имѣетъ тѣмъ болѣе основаній, что почти одновременно съ упоминаемой въ статьѣ артисткой, фамилія коей Бауэръ (Зинаида Францовна), почти такъ же поступилъ со мной и другой членъ моей труппы, артистъ Николай Евгеньевичъ Кубанскій.

Составляя труппу на текущій лѣтній сезонъ, я имѣлъ неосторожность пригласить и двухъ названныхъ лицъ. Какъ г-жа Бауэръ, такъ и г. Кубанскій, благополучно демонстрировали свои таланты у меня почти мѣсяцъ, съ начала сезона, не выражая никакихъ претензій на неудобство службы въ открытомъ театрѣ до тѣхъ поръ, пока въ артистическихъ кружкахъ не стали носиться сначала смутные, а затѣмъ и вполнѣ опредѣленные слухи о формированіи новой опереточной труппы для театра «Акваріумъ» въ Москвѣ.

Слухи эти дошли и до меня, со страннымъ, впрочемъ, добавленіемъ о томъ, что г-жа Бауэръ и г. Кубанскій подписали контракты къ г. Омону, содержащему театръ «Акваріумъ» въ Москвѣ, и собираются переходить на службу къ нему.

Не придавъ этому сообщенію серьезнаго значенія, я, тѣмъ не менѣе, въ разговорѣ упомянулъ о немъ гг. Бауэръ и Кубанскому, но они твердо и рѣшительно опровергли справедливость переданнаго мнѣ, причемъ г. Кубанскій, въ присутствіи многихъ артистовъ труппы, шутливо замѣтилъ, что онъ слишкомъ благороденъ, чтобы «удирать», да и прибѣгать къ такому старому способу ему нѣтъ никакой надобности, ибо, буде онъ захочетъ отъ меня уйти, то ему стоитъ только запастись докторскимъ свидѣтельствомъ о болѣзни, которая всегда и у всякаго въ той или другой формѣ въ наличности окажется, и прислать мнѣ нотаріальное заявленіе о невозможности продолжать службу на открытой сценѣ.

Я не имѣлъ основаній не повѣрить своимъ артистамъ, тѣмъ болѣе, что, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, г. Кубанскій чуть ли въ этотъ же день вечеромъ, получивъ отъ г. Омона телеграмму съ опредѣленіемъ условій, собственноручно начерталъ ему свой отказъ и, приславъ оный въ контору, просилъ немедленно послать съ театральнымъ служителемъ на станцію.

Однако, къ вящему удивленію моему и всѣхъ остальныхъ членовъ труппы (въ числѣ коихъ находилась и г-жа Бауэръ), дѣйствія г. Кубанскаго оказались совершенно противоположными его телеграммѣ и онъ примѣнилъ свой блистательный способъ ухода на практикѣ быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Черезъ нѣсколько дней послѣ описанныхъ событій, я получилъ традиціонное нотаріальное заявленіе съ неукоснительнымъ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства о болѣзни горла названнаго артиста, что г. Кубанскій, какъ высказывалъ и ранѣе, считалъ совершенно достаточнымъ основаніемъ, для нарушенія контракта и оставленія у меня службы.

Во взглядахъ на этотъ предметъ мы съ нимъ нѣсколько не сошлись и, руководствуясь другимъ свидѣтельствомъ моего театральнаго врача, діагнозы котораго равно обязательны для труппы и антрепризы, я послалъ болящему артисту отзывъ, въ которомъ предоставлялъ ему вполнѣ законное право не участвовать въ спектакляхъ впредь до приведенія своего горла въ надлежащій видъ, продолжая его считать на службѣ, на точномъ основаніи существующаго и остающагося въ полной силѣ контракта между нами.

Г. Кубанскій отзывъ принялъ, прочелъ и рѣшилъ, пока судъ да дѣло, все-таки уѣхать въ Москву, гдѣ его, очевидно, ждало леченіе въ видѣ увеличеннаго гонорара, почему фамилія этого артиста немедленно же украсила афишу мѣстнаго «Акваріума», имѣвшаго, какъ оказалось, значеніе бальнеологической станціи для страдающихъ горломъ пѣвцовъ.

Такимъ поступкомъ г. Кубанскаго была возмущена вся моя труппа, причемъ особенно много благороднаго негодованія замѣчалось въ г-жѣ Бауэръ, рѣзко осуждавшей совершенный поступокъ.

Какъ маленькую деталь, считаю не лишнимъ прибавить, что г. Кубанскій получилъ отъ меня не только все причитающееся ему за прослуженное время жалованье, но перебралъ разновременно нѣкоторую сумму денегъ авансами, о чемъ, по свойственной многимъ талантамъ разсѣянности, совершенно забылъ упомянуть въ своемъ заявленіи.

Прошло нѣсколько дней и настало 5-ое іюня 1899 года. Въ этотъ памятный день, г-жа Бауэръ участвовала у меня въ спектаклѣ и послѣ него получила вмѣстѣ съ другими артистами въ конторѣ театра жалованье, упросивъ лицо, выдававшее его ей, не вычитать пока денегъ, взятыхъ ею авансомъ, отложивъ вычетъ до слѣдующей получки. Просьба артистки была уважена, но увы, этой «слѣдующей» получки г-жа Бауэръ не дождалась, и на слѣдующій день, вмѣсто того, чтобы явиться на репетицію въ театръ, по ошибкѣ, вѣроятно, попала на николаевскій вокзалъ и, разъ очутившись тамъ, внезапно рѣшила послѣдовать примѣру своего коллеги. 7-го іюня афиша московскаго «Акваріума» была почтена прибавленіемъ къ числу персонажей фамиліи г-жи Бауэръ. Уважаемая примадонна хотя и не прислала мнѣ нотаріальнаго заявленія, но удостоила тѣмъ не менѣе письмомъ, въ которомъ извинялась за отъѣздъ, но, конечно, ни единымъ словомъ не упомянула объ излишне забранныхъ деньгахъ.

Въ то самое время, когда г-жа Бауэръ уже услаждала слухъ москвичей, я получилъ въ Петербургѣ отъ петербургскаго же врача свидѣтельство, извѣщавшее меня, что находящаяся у него на излеченіи артистка Бауэръ, по болѣзни горла пѣть не можетъ. Получалось что-то непостижимое и сверхъестественное: г-жа Бауэръ оказывалась одновременно на излеченіи у доктора въ Петербургѣ и пѣла въ Москвѣ.

Во всякомъ случаѣ это—дѣло Русскаго Театральнаго Общества. Оно и можетъ и должно обратить, наконецъ, вниманіе на происходящія беззаконія, властнымъ словомъ прекративъ ихъ разъ навсегда.

Примите и проч.

Директоръ театра и сада «Олимпія»
В. А. Николаевъ Соколовскій.

С.-Петербургъ,
1899 г., іюня 21-го дня.

II.

Милостивый Государь
г. Редакторъ!

Прочитавъ въ вашемъ многоуважаемомъ журналѣ корреспонденцію изъ Царицына (№ 25), «я еще разъ» возмутился своеобразному понятію о чести среди актеровъ. И это своеобразное понятіе никѣмъ не преслѣдуется, никѣмъ не карается! Постоянно слышишь въ театральномъ мірѣ: тотъ подписалъ контрактъ — не пріѣхалъ, тотъ взялъ авансъ — не пріѣхалъ, тому предложили въ другомъ городѣ дороже, и забравъ авансомъ возможно болѣе — уѣхалъ. Конечно, предоставляется право гг. антрепренерамъ *«взыскивать гражданскимъ порядкомъ авансы»*, но во-первыхъ, надо разыскивать этихъ субъектовъ, а во-вторыхъ, не такъ обременительна для антрепренера потеря выданныхъ авансовъ и затрата на приглашеніе новаго актера, какъ то, что среди сезона антрепренеръ лишенъ возможности пригласить хорошаго актера, такъ какъ всѣ мало-мальски полезные актеры — имѣютъ ангажементъ. Изъ моей антрепренерской и административной дѣятельности разскажу слѣдующій случай. Составляю я въ прошломъ году труппу для Костромскаго театра. Приглашаю артистовъ частью чрезъ Московское Агентство Разсохиной, частью знакомыхъ мнѣ по Петербургу. Я самъ актеръ, слѣдовательно, знаю близко жизнь актера, которому для того, чтобъ уѣхать, необходимъ авансъ. Въ авансахъ я не стѣснялъ актеровъ. Сколько кому нужно было — я выдалъ. Когда же съѣхались члены труппы въ Кострому къ открытію сезона, то не оказалось: комической старухи г-жа А. А. Тимперъ-Красовской (съ авансомъ въ 85 руб.), ingénue В. П. Ивиной, комика И. М. Лаврова (съ авансомъ въ 85 руб.), простака П. Н. Николаева (съ авансомъ въ 65 руб.), любовника А. П. Скарятина. Въ труппу, состоящую изъ 12 человѣкъ, не прибыло пяти! Что дѣлать? Пришлось наскоро выписывать новыхъ. Платить дороже, высылать новые авансы и въ итогѣ труппа публикѣ не нравится, сборы падаютъ. Приходится снова мѣнять артистовъ. Новые переговоры, новые авансы. Но хорошо, что удалось пригласить новыхъ полезныхъ актеровъ, и дѣло пошло хорошо, а если бы нѣтъ? Дѣло рухнуло бы и въ итогѣ, голодали бы тѣ, которые честно исполнили свой долгъ, явясь къ началу сезона, и благоденствовали бы тѣ, которые, забравъ авансъ, служили спокойно въ другомъ, болѣе выгодномъ мѣстѣ. На рукахъ теперь у меня контракты этихъ лицъ, которые я посылаю въ редакцію журнала вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, и прошу переслать ихъ въ Русское Театральное Общество. Я слишкомъ занятъ дѣломъ, чтобы взять на себя трудъ взыскивать неустойки и авансы съ этихъ господъ. Я прошу Русское Театральное Общество заняться этимъ въ пользу нуждающихся актеровъ.

Съ почтеніемъ

Администраторъ Костромскаго театра
С. Трефиловъ.

„На своемъ посту".

РАЗСКАЗЪ.

Въ одномъ изъ губернскихъ городовъ, товарищество актеровъ, снявшее театръ на зимній сезонъ, очень бѣдствовало. Сначала все шло хорошо и дѣла обѣщали быть удачными, однако вскорѣ въ труппѣ начались непріятности. Какъ это всегда водится, первая закапризничала примадонна, обидѣвшись на то, что репертуаръ составлялся не въ ея вкусѣ. Пререканія длились долго и окончились тѣмъ, что премьерша сбѣжала, принявъ ангажементъ въ другомъ городѣ. Замѣнить выбывшую среди сезона было не легко, и пьесы приходилось ставить кое-какъ, безъ ансамбля. Публика, относившаяся къ дѣлу сначала симпатично, охладѣла, и театръ сталъ пустовать. Сборы пали до того, что никто не только ничего не получалъ изъ кассы, но приходилось прибѣгать къ займамъ, чтобъ оплачивать вечеровой расходъ. Для поправленія дѣлъ приходилось прибѣгнуть къ послѣднему средству — приглашать гастролеровъ. Пошла переписка, но она долго оставалась безплодной, такъ какъ выдающіеся артисты рѣдко остаются свободными. На счастье одному изъ членовъ товарищества приходился родственникомъ любимецъ столичной публики, актеръ Петръ Мироновичъ Судимовъ. Къ нему-то и послана была коллективная просьба о выручкѣ. Сочувствуя собратьямъ и желая избавить ихъ отъ голодовки, артистъ испросилъ себѣ кратковременный отпускъ и примчался спасать товарищей.

Лондонскій сезонъ. Сара Бернаръ въ «La Tosca» («Daily Graphic»).

Не отличаясь никогда хорошимъ здоровьемъ, въ текущемъ сезонѣ Петръ Мироновичъ чувствовалъ себя особенно скверно, такъ какъ его застарѣлая болѣзнь сердца приняла довольно серьезную форму. Но душевные люди не останавливаются ни передъ чѣмъ, когда приходится дѣлать доброе дѣло. И гастролеръ сталъ играть.

Первый спектакль далъ полный сборъ. Судимовъ хотя и игралъ блестяще, однако, всѣ антракты лежалъ въ уборной на кушеткѣ.

— Петръ Мироновичъ, если вы дурно чувствуете себя, не позвать ли доктора? спрашивалъ его режиссеръ.

— Э, батюшка, при чемъ тутъ медицина? Такіе припадки со мной не впервой—отдышусь. .

При этомъ, веселый по натурѣ, Судимовъ сталъ шутить и подсмѣиваться надъ нѣкоторыми исполнителями.

— Вы бы, голубчикъ, вашей инженюшкѣ въ кофе подсыпали бъ хоть перчику, а то я подлѣ нея сталъ зябнуть.

— Знаю, знаю. Да гдѣ ихъ взять, теперь-то, съ огнемъ? Всѣ онѣ какія-то застылыя.

Судимовъ былъ истиннымъ врагомъ всякой капители и на себѣ показывалъ, какъ всецѣло надо отдаваться сценическому возбужденію.

Успѣхъ спектакля былъ громадный. Публика вызывала артиста безконечное число разъ, а послѣ послѣдняго дѣйствія, собравшаяся труппа сердечно благодарила его за оказанную помощь.

Второе представленіе должно было состояться черезъ день. Судимовъ выступалъ въ излюбленной имъ роли Оброшинова въ пьесѣ Островскаго „Шутники".

Передъ поднятіемъ занавѣса Петръ Мироновичъ какъ-то странно отпыхивался и хватался за лѣвый бокъ. Представитель товарищества пытался было вступить съ нимъ въ разговоръ, предложилъ сдѣлать анонсъ о его болѣзни и перенести спектакль на другой день. На это гастролеръ отвѣтилъ съ раздраженіемъ:

— Надо играть... Не околѣть же вамъ съ голода— вы артисты!.. Буду играть!

Въ этихъ словахъ сказался истинный другъ-товарищъ, клавшій душу свою за собрата.

Первый актъ Судимовъ хотя игралъ черезъ силу, но окончилъ его благополучно. Второй актъ „гвоздь роли"—начался спокойно. Петръ Мироновичъ вбѣжалъ съ пакетомъ и велъ сцену, какъ всегда, талантливо и художественно. Но когда обнаруживается обманъ, и Судимовъ въ отчаяніи хватается за голову, то всѣ замѣтили въ артистѣ что-то странное. Онъ какъ будто бы не игралъ, а на самомъ дѣлѣ переживалъ какой-то мучительный патологическій моментъ. Дѣйствительно, Оброшиновъ, по ремаркѣ пьесы не падающій при уходѣ, едва дойдя до кулисы, грохнулся на полъ. Подбѣжавшіе чтобъ поднять Судимова, увидѣли на губахъ его кровь. Когда упавшаго артиста принесли въ уборную, онъ едва шевеля губами, обратился къ товарищамъ:

— Прощайте... умираю... на своемъ посту...

Помощникъ режиссера бросился въ залъ, отыскалъ доктора и поспѣшно привелъ его на сцену. Но что могъ сдѣлать врачъ тамъ, гдѣ смерть наложила уже свою печать?

Немедленно былъ опущенъ занавѣсъ, а затѣмъ въ скорости былъ опять поднятъ и представитель товарищества, едва сдерживая рыданія, объявилъ зрителямъ о печальномъ событіи.

Публика съ благоговѣніемъ поднялась со своихъ мѣстъ и при гробовомъ молчаніи стала выходить.

А тамъ въ уборной, въ ожиданіи прибытія судебной власти, съ несмытымъ гримомъ лежалъ на кушеткѣ покойный Петръ Мироновичъ. Въ этомъ было что-то величественное и грустное. Маска актера, какъ бы прикрывала ликъ человѣка, но возвышенная душа и печать дивнаго таланта отражались въ незакрытыхъ еще глазахъ.

Вокругъ покойнаго всѣ молчали, а только слышались всхлипыванія товарищей, потерявшихъ одного изъ крупнѣйшихъ представителей русской артистической семьи, окончившаго свою многотрудную жизнь, какъ истинный боецъ, подъ знаменемъ искусства...

П. М. Невѣжинъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Политическія событія послѣдняго времени—грандіозный скандалъ въ Отейлѣ и паденіе министерства Дюпюи—не замедлили вызвать цѣлый рядъ юмористическихъ сценъ въ такъ называемыхъ «обозрѣніяхъ», которыя теперь ежедневно даются на маленькихъ сценахъ бульваровъ и предмѣстій. Пѣвцы и ораторы веселыхъ монмартрскихъ кабачковъ потѣшаютъ публику болѣе или менѣе остроумными варіаціями на злобу дня. Однимъ изъ самыхъ модныхъ теперь заведеній этого рода является оригинальный крошечный театрикъ «Le Tréteau de Tabarin» («Подмостки Табарэна»), въ улицѣ Пигаль. Табарэнъ—извѣстный народный потѣшникъ, шарлатанъ и пѣсенникъ, дѣйствовавшій близъ Новаго Моста въ царствованіе Генриха IV и Людовика XIII, принадлежалъ къ числу наиболѣе популярныхъ и любимыхъ представителей «галльскаго» остроумія; память о немъ долго жила въ народѣ, и сборникъ его шутовскихъ импровизацій—«Табаринадъ»—былъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія самой любимой изъ веселыхъ книгъ. Современными послѣдователями Табарэна являются монмартрскіе поэты- пѣсенники: Нюма Блесъ, Андрэ Бардъ, Жоржъ Шеферъ, Венсанъ Испа, Жюль Моа и Анри Фюрси, авторъ цѣлаго сборника «безцеремонныхъ пѣсенъ» (chansons rosses). Въ очень небольшой залѣ они устроили узенькія подмостки, на которыхъ, за ширмочкой, стоитъ піанино для аккомпаніатора, два стула и трехногій столъ; передъ этой «сценой» поставлены ряды скамеекъ и табуретовъ такъ тѣсно, что посѣтителямъ приходится сидѣть чуть не на колѣняхъ другъ у друга. Въ антрактахъ публика толпится въ крошечномъ садикѣ, гдѣ гостепріимный «директоръ театра», г. Роникэ, предлагаетъ желающимъ освѣжиться «бокомъ» пива за тридцать сантимовъ. Поэты - пѣсенники являются здѣсь передъ публикой «въ своихъ созданіяхъ» (dans ses créations): это—почти исключительно политическіе куплеты, въ которыхъ жестоко достается и министрамъ, особенно Дюпюи, и журналистамъ, и самому президенту Лубэ и даже его почтенной супругѣ. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ такихъ пѣсенокъ разсказывается о томъ, какъ г. Лубэ, въ сопровожденіи Дюпюи, осматриваетъ выставку племеннаго скота. «Я очень доволенъ, господа, говоритъ онъ, обращаясь къ экспонентамъ,—ибо въ настоящее время скоты имѣютъ во Франціи первенствующее значеніе; я пріѣду еще разъ посмотрѣть на васъ: я очень люблю скотовъ».

Et quelqu'un se mit à crier tout bas:
«Vive Loubet!»
Et M. Loubet dit à M. Dupuy:
«Cher Dupuy,
Faites cesser ces vivats,—
Vous savez qu'je n'les aim'pas!»
Mais Dupuy
Ne lui répondit.

Публика, посѣщающая «Подмостки Табарэна», принадлежитъ къ такъ называемымъ «сливкамъ Парижа», т. е. къ той аристократической котеріи, которыхъ праздность, по выраженію парламентскаго оратора, равняется ихъ тупоумію и каждый вечеръ награждаетъ остроумныхъ авторовъ «безцеремонныхъ пѣсенокъ» громкими рукоплесканіями.

На другомъ концѣ Парижа, недалеко отъ нелѣпаго «Большого колеса», долженствующаго быть однимъ изъ «гвоздей» будущей выставки и дѣйствующаго уже теперь, молодежь Латинскаго квартала устроила очень любопытное, своеобразное и веселое воспроизведеніе «Парижа въ 1400 году». Вы подъѣзжаете къ зубчатой стѣнѣ съ башнями; на подъемномъ мосту, у воротъ, стоятъ живописные латники съ бердышами, за скромную плату въ одинъ франкъ выдающіе вамъ пропускъ «за пятьсотъ лѣтъ назадъ». Пройдя ворота, вы оказываетесь на площадкѣ, окруженной старыми домами и узенькими переулочками, въ которыхъ пріютились разные ремесленники,—разумѣется въ старинныхъ костюмахъ, занятые каждый своимъ дѣломъ: здѣсь и ткачи, и горшечники, и жестянщики, и корзинщики, оружейники, цырюльники и пр. Сторона площадки, противоположная входу, представляетъ фасадъ старинной церкви, въ которой, однако, помѣщается маленькій театрикъ. Вдали вырисовывается силуэтъ Собора Богоматери и башни Консьержери. Весь день здѣсь идетъ непрерывное представленіе: съ утра распѣваются старинныя народныя пѣсни подъ аккомпанементъ віолы и лютни; всякаго рода нищіе, бродяги и калѣки изъ «Двора Чудесъ» просятъ милостыни, поютъ, танцуютъ; шарлатаны, обращаясь къ публикѣ на живописномъ старофранцузскомъ языкѣ, предлагаютъ всевозможныя снадобья, приворотные корешки, лѣкарства отъ зубной боли, фокусники и акробаты показываютъ разныя наивныя чудеса, стражники ловятъ воровъ и пр. По временамъ кругомъ обходитъ оркестръ, разыгрывающій старинныя мелодіи и марши на старинныхъ же инструментахъ. Затѣмъ на площадкѣ разыгрывается пантомима изъ жизни «Двора Чудесъ».

Бродяги, нищіе и прочій людъ собираются на площади въ ожиданіи своего предводителя, «герцога Египетскаго», который появляется въ сопровожденіи своего сенешала и садится съ подобающею торжественностью на бочку, замѣняющую ему тронъ. Входитъ Эсмеральда съ своей козочкой, танцуетъ и награждается общими рукоплесканіями. Нищій Лазарильо объясняется ей въ любви, но она его отталкиваетъ; въ гнѣвѣ онъ хочетъ ее убить, но во-время появляется капитанъ Фебъ и арестуетъ его. Лазарильо вырывается изъ рукъ стражниковъ и ищетъ спасенія на крышѣ церкви; но Фебъ убиваетъ его выстрѣломъ изъ арбалета. Послѣ этого Фебъ проситъ руки Эсмеральды; совершается торжественный обрядъ его принятія въ воровскую корпорацію и начинается затѣмъ свадебный пиръ съ пѣснями и плясками, послѣ котораго всѣ участвующіе торжественно удаляются въ церковь.

На смѣну имъ, съ другой стороны, появляется отрядъ стрѣлковъ и музыкантовъ; за ними слѣдуютъ придворные кавалеры и дамы, идущіе на встрѣчу королю Карлу VI. Король выходитъ изъ дворца, опираясь на плечо своего любимца Жакмэна; канцлеръ подноситъ ему мечъ и скипетръ, и вся процессія, при звукахъ марша, направляется къ собору, на встрѣчу королевѣ Изабеллѣ Баварской. Королева выходитъ изъ собора, король подаетъ ей руку, ведетъ ее къ трону и обращается къ двору съ рѣчью, въ которой заявляетъ, что въ честь прекрасной государыни состоится турниръ между мессиромъ де-Куси и герцогомъ Жаномъ Бурбонскимъ. Герольды трубятъ въ трубы, изъ воротъ дворца выѣзжаютъ два закованные въ желѣзо рыцаря съ длинными

копьями, и начинается турниръ. Во время боя копье одного изъ рыцарей ломается, онъ поднимаетъ забрало и признаетъ себя побѣжденнымъ, его противникъ получаетъ изъ рукъ королевы почетную награду, послѣ чего вся процессія удаляется во дворецъ.

Въ театрѣ дается небольшой средневѣковой фарсъ, исполняемый добровольными артистами съ увлекательною веселостью.

Вообще, всѣ эти представленія требовали большой любви къ дѣлу и обнаруживаютъ очень серьезное изученіе средневѣковой французской жизни. *Ю. М.*

Изъ Парижа сообщаютъ о смерти не безызвѣстнаго талантливаго французскаго композитора Эрнеста Шоссона. Находясь на отдыхѣ въ своемъ помѣстьи, въ Лине (Linay), онъ учился ѣздѣ на велосипедѣ и спускаясь съ крутой горы, какъ-то сильно разогналъ велосипедъ и, не съумѣвъ вовремя удержать его, ударился головой о заборъ: смерть послѣдовала мгновенно. Эрнестъ Шоссонъ былъ ученикомъ Масснэ и Цезаря Франка. Изъ его неособенно многочисленныхъ сочиненій выдаются: симфоническая поэма «Viviane», исполнявшаяся съ успѣхомъ; симфонія; концертъ для рояля и для скрипки; струнный квартетъ; «Поэма любви и смерти» и много романсовъ. Въ портфелѣ найдена совершенно готовая партитура лирической драмы, въ 3-хъ актахъ «Le Roi Arthus». Эрнестъ Шоссонъ умеръ всего сорока четырехъ лѣтъ отъ роду.

Поль Эрвье, снискавшій себѣ большую популярность «Тисками» окончилъ новую пьесу – «Загадка». Пьеса пойдетъ въ ближайшемъ сезонѣ въ «Comédie Française».

Нѣсколько нѣмецкихъ драматурговъ, пользующихся на своей родинѣ довольно громкими именами, собираются ознаменовать конецъ нашего вѣка оригинальнымъ, и въ своемъ родѣ единственнымъ произведеніемъ для сцены. Они проектируютъ своего рода «revue», обозрѣніе истекшаго столѣтія, полнаго столькихъ великихъ событій, внесшаго столько новаго въ политическія, соціальныя и семейныя отношенія европейскаго общества и выдвинувшаго столько героическихъ личностей и еще болѣе героическихъ стремленій. Вѣкъ дѣлится, въ представленіи членовъ этого драматургическаго союза, на нѣсколько самостоятельныхъ эпохъ, съ ярко отмѣченными характерными особенностями, со своими замѣчательными коллизіями и личностями. Каждая такая составная часть XIX вѣка будетъ отражена въ отдѣльной одноактной пьескѣ, то драматизирующей извѣстный историческій фактъ, то развивающей фабулу вымышленную, но съ лицами и отношеніями, наиболѣе характерными для даннаго историческаго момента. Каждая пьеса будетъ представлять самостоятельное цѣлое, будетъ написана другимъ авторомъ, но всѣ пьесы будутъ идти однимъ спектаклемъ и будутъ объединяться общностью задачи – провести предъ глазами зрителя картину отходящаго въ вѣчность, интереснѣйшаго, быть можетъ, во всей исторіи человѣчества, столѣтія. Кромѣ того, пьесамъ предшествуетъ одинъ общій прологъ. Въ антрактахъ между пьесами, которыхъ, не считая пролога, предполагается пять, будутъ показываться, вѣроятно—съ помощью волшебнаго фонаря, главнѣйшіе памятники изобразительныхъ искусствъ соотвѣтственной эпохи, и будетъ исполняться характерная для этой эпохи музыка. На все это потребуется, по разсчету авторовъ, около трехъ часовъ.

Маэстро Буйя написалъ одноактную оперу подъ названіемъ «Новый мученикъ». Содержаніемъ оперы послужило дрейфусовское дѣло. Опера должна была пойти еще въ теченіе этого мѣсяца въ Падуѣ въ театрѣ Верди, но владѣлецъ театра запретилъ импрессаріо постановку оперы изъ «политическихъ соображеній».

На всемірной выставкѣ въ Парижѣ строятся небывалые еще по размѣрамъ театръ «Колумбія» и циркъ. Театръ разсчитанъ на 6,000 зрителей и предназначенъ для постановки обстановочныхъ пантомимъ, балетовъ и мелодрамъ. Передъ сценою по образцу лондонскаго и берлинскаго театровъ «Олимпія» устроенъ бассейнъ для представленія морскихъ сраженій и водяныхъ пантомимъ. Циркъ будетъ еще обширнѣе театра и вмѣстимость его предположена на 8,000 человѣкъ. Одна площадь подъ зданіе стоила 4 милліона франковъ, а все зданіе обойдется въ 10 милліоновъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Спектакли труппы, подъ режиссерствомъ Н. Н. Синельникова, въ театрѣ А. А. Линтварева закончились 15-го іюня. За все время (съ 19 го апрѣля по 16-ое іюня) дано было 54 спектакля и выручено валоваго сбора 22,731 руб., что составляетъ 421 руб. накругъ. Товарищество получило свыше рубля на марку, которыя были распредѣлены по зимнимъ окладамъ. Такого блестящаго результата не ожидали и сами участники товарищества. Изъ пьесъ наибольшее количество разъ прошли: «Измаилъ» (10 разъ), «Новый міръ» (8 разъ) и «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ», поставленный въ концѣ сезона, 7 разъ, при полныхъ сборахъ, по увеличеннымъ цѣнамъ.

28-го мая труппа чествовала память А. С. Пушкина торжественнымъ спектаклемъ изъ его произведеній. Театръ былъ роскошно убранъ гирляндами, флагами и вѣнками съ иниціалами «А. С.».

Знаменитая трагедія А. Толстого «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ», обставленная очень хорошо въ декоративномъ и костюмномъ отношеніи, произвела на публику громадное впечатлѣніе, благодаря прекрасному исполненію заглавной роли Н. Н Синельниковымъ, къ дарованію котораго роль какъ нельзя болѣе подходитъ. Послѣдній спектакль бенефисъ Н. Н. Синельникова («Ноктюрнъ», «Общество скуки» и «Деньщикъ подвелъ»), далъ поводъ къ сплошной овваціи по адресу бенефиціанта и всей труппы. Послѣ каждаго акта и даже при выходахъ подносились почти всѣмъ корзины, букеты, цѣнные подарки, подъ громъ апплодисментовъ.—Публика не забыла поблагодарить и антрепренера Линтварева, пригласившаго эту достойную труппу. На смѣну драматической труппы А. А. Линтваревымъ законтрактована оперетка, подъ режиссерствомъ С. П. Новикова, во главѣ съ г-жами Муратовой, Борской, Добротини, Пронской, гг. Свѣтлановымъ (Вильяшевъ), Бобровымъ и Глушинымъ. Спектакли начнутся 20-го іюня и продолжатся полтора мѣсяца.—Въ другомъ театрѣ (бывш. Любимова) играетъ малорусская труппа Саксаганскаго и Садовскаго. Не смотря на безчисленныя рекламы «Приднѣпровскаго Края», публика въ театръ ходитъ туго. *М. М.*

ТИФЛИСЪ. 10-го іюня закончились здѣсь спектакли харьковскаго товарищества подъ управленіемъ Соловьева. Товарищество сборы дѣлало сравнительно слабые. Причинъ этому не мало, особенно вліяло отсутствіе перваго любовника. Г. Камскій, приглашенный на это амплуа, оказался актеромъ не очень высокаго достоинства и большинство отвѣтственныхъ ролей jeune premier принужденъ былъ брать на себя г. Петипа. Постановка пьесъ не отличалась особенною тщательностью, за исключеніемъ, впрочемъ, трилогіи Толстого.

Трилогія поставлена была хорошо и публикѣ очень понравилась,—особенно «Царь Ѳеодоръ». Ѳеодора игралъ г. Бѣжинъ, занимающій въ труппѣ амплуа простака и хотя исполненіе его намъ менѣе понравилось, чѣмъ исполненіе г. Москвина на сценѣ художественно-общедоступнаго театра въ Москвѣ, но все же онъ далъ довольно вѣрный образъ мягкосердаго и слабаго тѣломъ царя. Особенно удалась ему послѣдняя сцена передъ Успенскимъ Соборомъ.

Великолѣпенъ былъ г. Шуваловъ въ роли Бориса во 2-й и 3-й частяхъ трилогіи и значительно слабѣе въ роли Іоанна, въ «Смерти Іоанна Грознаго».

Г. Шуваловъ—во все пребыванія харьковскаго товарищества въ Тифлисѣ—пользовался неизмѣннымъ и вполнѣ заслуженнымъ расположеніемъ публики. Почти весь репертуаръ пришлось ему выносить на своихъ плечахъ.

Во всякомъ случаѣ Тифлисъ долженъ сказать г. Петипа большое спасибо за постановку трилогіи и нѣсколькихъ новыхъ пьесъ, какъ напримѣръ: «Сирано де-Бержерака», «Потонувшій колоколъ», «Дядя Ваня».

На ряду съ труппой г. Соловьева, подвизавшейся въ казенномъ театрѣ, пріютилась въ циркѣ Бр. Никитиныхъ небольшая труппа малоизвѣстныхъ актеровъ, подъ управленіемъ г. Богданова и подъ фирмой театръ «Развлеченіе и Польза».

Организаторъ этого скромнаго дѣла—г. Богдановъ имѣлъ благое намѣреніе дать дешевое и полезное развлеченіе среднему классу тифлисской публики. Цѣны поэтому назначены были крайне дешевыя: отъ 1 руб. до 10 коп. и репертуаръ въ началѣ носилъ характеръ вполнѣ народнаго театра. Пьесы Островскаго преобладали. Но затѣмъ, когда ожиданія г. Богданова относительно сборовъ не оправдались,—для привлеченія публики появились трехаршинныя афиши, выплыли на свѣтъ Божій разныя невѣдомыя «Убійцы», «Мстительницы» и другія пьесы кроваваго репертуара.

Въ концѣ концовъ дѣло лопнуло. Образовавшееся изъ остатковъ Богдановской труппы товарищество подъ управленіемъ г. Валентинова кое-какъ просуществовало до Троицы и то лишь благодаря поддержкѣ капеллы Д. А. Славянскаго, который далъ въ циркѣ нѣсколько концертовъ и поставилъ совмѣстно съ товариществомъ жалкую пародію на «Русскую

Свадьбу». Теперь товарищество г. Валентинова имѣетъ намѣреніе перебраться въ лѣтній нѣмецкій садъ. *П—е.*

КОЗЛОВЪ. Лѣтній сезонъ открылся здѣсь спектаклями опернаго товарищества, въ составъ котораго входили: гг. Унковскій, Муравьевъ, Бортини, Чебановъ-Лавровъ, Деляръ, Дементьевъ, Гимерлейхъ, г-жи Муравьева, Андреева, Иранская, Шевякова и др.; администрація Дороднова, дирижеры гг. Тимме и Шаевичъ. Были поставлены: «Демонъ», «Русланъ и Людмила», «Жизнь за Царя», «Пиковая дама» и «Евгеній Онѣгинъ». Труппа особаго успѣха не имѣла, вслѣдствіе поспѣшности въ постановкѣ перваго опернаго спектакля. Отсюда она послѣ нѣсколькихъ спектаклей на собственномъ пароходѣ поѣдетъ по р. Окѣ до Нижняго и затѣмъ вверхъ по Волгѣ, останавливаясь въ попутныхъ городахъ: Костромѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ и др., разсчитывая къ 6-му іюля, по Шексинѣ и Двинѣ, быть въ Архангельскѣ,—главной цѣли своего турнэ. Вмѣсто предполагавшихся драматическихъ спектаклей въ саду Новикова, какъ сообщалось въ № 21, артистомъ Ф. А. Омарскимъ, при содѣйствіи мѣстнаго любителя В. П. Ч—на, приспособленъ для драматическихъ спектаклей циркъ, вмѣщающій до 1000 челов. Актеры вмѣстѣ съ любителями предполагаютъ вести чисто-народный репертуаръ при общедоступныхъ цѣнахъ. Это первая попытка г. Омарскаго—устройство народнаго театра въ нашемъ городѣ,—артиста, знакомаго и любимаго нашей публикой, не можетъ не вызвать общаго сочувствія и мы отъ души желаемъ полнаго успѣха предпріятію. Первымъ спектаклемъ шелъ «Лѣсъ» Островскаго, прошедшій очень гладко. Слѣдующій спектакль—«Бѣдность не порокъ», 7-го іюня, прошелъ также съ успѣхомъ.

Объ освобожденіи театра отъ монополіи въ Козловѣ единственной типографіи бр. В—ръ, въ Русское Театр. Общество подано коллективное заявленіе, подписанное членомъ этого общества, г. Ч—нымъ, членами опернаго товарищества гг. Унковскимъ, Муравьевымъ, Тимме, Бортини и антрепренеромъ лѣтняго общедоступнаго театра въ г. Козловѣ, Ф. А. Омарскимъ. *М. Т.*

КРЕМЕНЧУГЪ. Въ лѣтнемъ театрѣ мѣстнаго городскаго сада въ теченіи нѣсколькихъ недѣль идутъ спектакли малороссійскаго товарищества, подъ управленіемъ О. З. Суслова. Кромѣ воскресныхъ дней, публика посѣщаетъ спектакли едва ли усердно. Изъ первыхъ персонажей укажемъ на госпожъ: Зарницкую, Кохановскую и гг. Суслова, Шатковскаго, Левицкаго. Г-жа Зарницкая—артистка съ темпераментомъ, обладающая гибкимъ голосомъ. Заслуживаетъ одобренія хоръ г. Суслова; можно смѣло утверждать, что ни въ одной изъ нынѣ играющихъ малорусскихъ труппъ нѣтъ такого превосходно-дисциплинированнаго и стройнаго хора. Дирижеромъ и хормейстеромъ состоитъ г. А. Алексѣенко.

Товарищество почтило столѣтнюю годовщину со дня рожденія А. С. Пушкина концертомъ, даннымъ 26-го мая, второе отдѣленіе котораго состояло исключительно изъ вокальныхъ номеровъ на пушкинскія темы, исполненныхъ г-жей Зарницкой, г. Внуковскимъ и хоромъ, пропѣвшимъ въ заключеніе кантату Н. Глюкѣ, положенную на музыку Прибикомъ. Во время этого отдѣленія на сценѣ, довольно прилично украшенной, красовался бюстъ великаго поэта. *Р. Кунцкій.*

НОВОРОССІЙСКЪ. Репертуаръ нашего драматическаго товарищества за истекшую первую половину іюня состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: «Лѣсъ», «Преступленіе и наказаніе», «Сафо» – Додэ (бен. г-жи Шеиной), «Хижина дяди Тома», «Мужъ знаменитости», «Ограбленная почта» и «Девятый валъ» (бен. г. Рахманова). За эти 7 спектаклей выручено на марку по 22 коп. Такимъ образомъ, подводя итоги за 1-ую половину сезона, т. е. съ 20-го апрѣля по 15-е іюня, дѣла т—ва въ результатѣ дали за 27 спектаклей 62 коп. на каждую марку.

Въ настоящее время товарищество пріостановило свои спектакли, сдавъ театръ на двѣ недѣли малорусской труппѣ г. Суходольскаго. Данные 4 спектакля малорусскими артистами пока дали по 200 руб. на кругъ.

Въ зимнемъ помѣщеніи 2-го общественнаго собранія, начиная съ 20-го іюня, состоятся три спектакля гастролирующей по Кавказу опереточной труппы г-жи Дагмаровой: «Рудокопы», «Современный Онѣгинъ» и «Гейша».

Оставшаяся не у дѣлъ драматическая труппа г. Никулина, какъ мы слышали, уѣзжаетъ in corpore на нѣсколько спектаклей въ г. Анапу.

СЛАВЯНСКЪ. Игравшее въ курзалѣ минеральныхъ водъ малорусское товарищество артистовъ, подъ упр. г. Науменко 13-го іюня закончило свои спектакли истор. др. «Мазепа», соч. Старицкаго. Товариществомъ было поставлено 15 спектаклей, изъ которыхъ самыми удачными по исполненію можно считать: «Безталанну», «Наймычку», «Бондаривну» драм. Карпенко-Карого, «Лымеривна» др. Мырного и др. Угостили насъ и нѣкоторыми новинками малороссійскаго репертуара, какъ-то «Царыцыны черевыкы» оперет. Ашкаренко, «Запорожськый кладъ» оперет. Ванченко и «Жертва» др. Барвинскаго. О первой изъ нихъ можно сказать только одно, что это ни то, ни се. Вторая—жалкая «буффонада», которой во всякомъ случаѣ не мѣсто на сценѣ, хотя-бы даже и малорусской, а развѣ на аренѣ плохенькаго цирка. Стыдно было за актеровъ, разыгрывавшихъ этотъ шедевръ творчества малорусскихъ авторовъ. Что же касается третьей новинки («Жертва»), то она представляетъ извѣстный интересъ какъ истор. др. Сюжетомъ взята поэма Шевченко «Гайдамакы». Пьеса недурно скомпанована, написана благозвучнымъ бѣлымъ стихомъ, съ сохраненіемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подлинныхъ стиховъ Шевченко. Изъ состава товарищества можно отмѣтить: г-жу Зинину и гг. Науменко и Барвинскаго. Недурны были также г-жи Азовская, Пивинская, гг. Гульбенко и Ярошенко. По слухамъ, валовая цифра сбора съ 23-го мая по 13-ое іюня выразилась въ суммѣ 2,470 руб. *Ф. Д—кій.*

УМАНЬ. Съ 9 мая играетъ въ Уманскомъ городскомъ театрѣ труппа артистовъ московскихъ театровъ подъ управленіемъ артиста Дурова. Составъ труппы: г-жи Великанова-Рамазанова, Токарева, Якубенко, Каратыгина, Русецкая и др. гг. Славинъ, Пановъ, Айдаровъ, Бутовтъ и др. Труппа состоитъ изъ молодыхъ силъ, причемъ нужно выдѣлить г-жу Великанову и г. Славина, какъ старыхъ и опытныхъ артистовъ, а также г-жу Токареву и г. Айдарова. Послѣднему можно предсказать хорошую будущность Остальные артисты и артистки, хотя ничѣмъ особеннымъ не выдѣляются, но поддерживаютъ ансамбль, который въ этой труппѣ лучше, чѣмъ во многихъ провинціальныхъ труппахъ. Репертуаръ труппы состоитъ преимущественно изъ пьесъ Островскаго. Однако, не смотря на относительныя достоинства труппы и репертуара, публика плохо посѣщаетъ театръ. Наибольшіе сборы, около 500 р., сдѣлали пьесы: «Трильби» и «Василиса Мелентьева». Но были сборы и въ 50 руб. Вечеровой расходъ—почти 100 руб. Труппа на одинъ спектакль уѣхала въ Звенигородку по особому приглашенію звенигородскихъ властей. 20 іюня она возвратилась въ Умань, гдѣ будетъ еще играть до 10 іюля. Предстоитъ цѣлый рядъ бенефисовъ. *Я. Г—дъ.*

КІЕВЪ. Общедоступный театръ (на Подолѣ, въ Контрактовомъ домѣ), о которомъ я уже не разъ говорилъ на страницахъ «Театра и Искусства», временно (до осени) прекратилъ свою дѣятельность.

Прежде чѣмъ охарактеризовать общую физіономію и направленіе этого театра, скажу нѣсколько словъ о двухъ послѣднихъ и при томъ самыхъ удачныхъ спектакляхъ. Первый изъ нихъ былъ данъ 30 мая въ пользу страдающихъ отъ неурожая. Шла прекрасная комедія «Хрущевскіе помѣщики», разыгранная съ ансамблемъ. Наибольшій успѣхъ имѣли: г-жа Градова, давшая вѣрный типъ Глаши, затѣмъ гг. Ждановъ, игравшій съ замѣтнымъ стараніемъ отрѣшиться отъ фортелей, къ которымъ онъ привыкъ, благодаря постоянному участію въ головоломныхъ фарсахъ. Въ виду такого необыкновеннаго старанія г. Жданову удалось довольно хорошо сыграть трудную роль деревенскаго кулака Акима Недососова. Нельзя пройти молчаніемъ прекраснаго исполнителя небольшой, но весьма типичной роли пьяницы портного Семки г. Богданова. Вѣрный тонъ взялъ и г. Котомкинъ, подмѣтивъ много типичныхъ черточекъ въ характерѣ Трифона, котораго онъ изображалъ.

Послѣдній спектакль состоялся въ день Св. Троицы—7 іюня. На этотъ разъ поставлены были три вещицы спеціально для народа, а именно: «На пескахъ» въ 2-хъ дѣйствіяхъ, соч. Трофимова, «Суженый-Ряженый» святочная сцена въ 1-мъ д. В. А. Тихонова и въ заключеніе веселый водевиль «Именины кухарки» Трофимова. Цѣны отличались необыкновенною дешевизною. Пьесы пришлись какъ разъ по вкусу народной публикѣ, особенно «Именины кухарки». Спектакль этотъ оставилъ наилучшее впечатлѣніе.

Играли большею частью бывшіе ученики прекратившей свое существованіе драматической школы покойнаго С. Блюменфельда, которые старались, такъ сказать, монополизировать драматическое искусство. Самымъ ретивымъ оказался нѣкто г. Выговскій, и пьесы ставились главнымъ образомъ такіе, въ которыхъ тотъ или другой актеръ кружка «Выговскій и К⁰» могъ показать свои сценическія способности.

Въ Китаевскомъ лѣтнемъ театрѣ въ настоящее время подвизается труппа драматическихъ артистовъ, подъ упр. П. Н. Богданова. Спектакли даются три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Составъ труппы: г-жи Аграмова, Чужбинова, Поповкина, Мещерская, Юрьева, Адріанова и Смуглова; гг. Богдановъ, Балабанъ, Львовъ, Канарскій, Николаевъ, Щеголевъ, Ленскій и др.

Шли уже «Женитьба Бѣлугина», «Не все коту масляница», «Сорванецъ», «Счастливый день», «Сердце-загадка» и др. Сборы плохіе. Еле-еле можно свести концы съ концами.

Ник. Гріеръ.

Редакторъ А. Р. Кугель. Издательница З. В. Тимоѳеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Все необходимое для гг. артистовъ!

Усовершенствованныя и безвредныя гримировки: румяна, бѣлила, карандаши и тушь для бровей, замазки для париковъ и проч.

Громадный выборъ парфюмерій лучшихъ заграничныхъ фабрикъ

Высылаетъ по первому требованію

Аптекарскій складъ Э. Ф. ВОЛЯНСКАГО

С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., № 22. № 234 (1—1)

ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДА.

Для нѣжности лица. Цѣна **50** коп.

Остерегаться поддѣлокъ. Требовать подпись **А. Энглундъ** *красными чернилами.* Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

Лѣтній театръ и садъ В. А. НЕМЕТТИ.

39. Офицерская, 39.

Дирекція П. В. Тумпакова.

Ежедневныя представленія: оперетка, балетъ и дивертисментъ.

Въ воскресенье, 27-го іюня:

„НИЩІЙ СТУДЕНТЪ“

опер. въ 3 д. Миллекера.

Балетъ подъ управленіемъ г. Саракко. Прима-балерины **БІАНКА ДЖЕЛАТО** и **ВАРАЗИ.**

ДИВЕРТИСМЕНТЪ.

Эквилибристы Элиза и Вильямъ Старъ, Квинтетъ Делина, M-lle Норисъ.

Нач. музыки въ саду въ 7 час. Нач. спектакля въ 8 час.

Цѣна за входъ въ садъ **40** к. Абонементныя книжки въ 20 билетовъ **5** р., 10 билетовъ **2** р. **50** к. Взявшіе билеты на мѣсто передъ лѣтней сценой за входъ въ садъ ничего не платятъ. Контромарки при выходѣ изъ сада не выдаются.

Касса открыта ежедневно отъ 11 часовъ утра.

III-Й ГОДЪ ИЗД.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **второе полугодіе** на еженедѣльный иллюстрирован. журналъ

III-Й ГОДЪ ИЗД.

„Театръ и Искусство“

(третій годъ изданія).

Въ теченіи *полугода съ 1-го іюля 1899 года по 1-е января 1900 г.* подписчики получатъ

26 №№ около **500** страницъ съ **300** иллюстрац.

нѣсколько **НОТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ**

10 репертуарн. пьесъ, отд. приложеніями стоющихъ **25** р.

Въ первомъ полугодіи помѣщены слѣдующія пьесы: «Въ деревнѣ» К. Фоломѣева, «Исторія одного увлеченія» І. Радзивиловича, «Друзья» Д. Роветта, «Отцы» Баранцевича, «Поѣхала кума невѣдомо куда» Я. Дельера, «Графъ-ди-Спандола» Б. Бентовина, «Девятый валъ» О. Смирновой, «Письмо» И. Гриневской, «Задача № 1371» В. Карпинской, «Бирон» Борисова.

Третій выпускъ (буква В)

„Словаря современныхъ дѣятелей сцены“,

куда войдутъ портреты, біографіи, характеристики артистовъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, драматич. писателей, композиторовъ, театральныхъ критиковъ и т. п.

1-й выпускъ (буква А) вышелъ въ 1898 г.
2-й » (буква Б) » въ I-й половинѣ 1899 г.

Подписная цѣна со всѣми прилож. съ дост. и пересылкой *на полгода.* **4** р.

Выписывающіе съ 1-го января 1899 г. платятъ 6 руб. за годъ, и получатъ 52 №№ (1000 стр., 20 реперт. пьесъ, 2 выпуска „Словаря“.

Адресъ редакціи и конторы:

СПБ., Моховая, д. 45.

Редакторъ: А. Р. Кугель.
Издательница: З. В. Тимоѳеева (Холмская).

М. В. Шевляковъ.

Новыя изданія:

Изъ области приключеній. По разсказамъ бывшаго начальника Спб. сыскной полиціи И. Д. Путилина. (Съ его портр. и біогр.) Ц. 80 к.

Русскіе остряки и остроты ихъ. (В. К. Михаилъ Павловичъ, Нарышкины Меншиковъ, Пушкинъ, Каратыгинъ, Ленскій, Минаевъ, Трофимовъ, Булгаковъ). Ц. 75 к.

Попурри. (Сцены для сцены). Шутки и шаржи. Изд. второе. Ц. 60 к.

Пушкинъ въ анекдотахъ. Черты изъ жизни поэта, какъ общественнаго дѣятеля и человѣка. Ц. 50 к.

Русскіе романсы. (Музыкальные шедевры). Съ портр. ихъ исполнителей. Ц. 75 к.

Маленькая читальня:

№ 1. **Знаменитыя дуэли въ Россіи.** Истор. эпизоды. Ц. 15 к.

№ 2. **Русскіе лгуны.** Характеристики. Ц. 15 к.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, „Новостей“, Губинскаго и др.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Генрихъ Устиновичъ АСМУСЪ.

Спеціальность вставленія искусственныхъ зубовъ.

Пріемъ отъ 9 до 6 час. веч.

Невскій пр., д. № 74, кв. № 7, прот. Троицкой улицы.

Стихотворенія А. М. Ѳедорова.

Цѣна **1** р.

Типографія А. С. Суворина. Складъ изданія Книжн. магаз. Суворина.

ПРИГЛАШАЮТСЯ

на вновь открываемые вокально-драматическіе курсы въ г. Одессѣ два артиста съ солиднымъ прошлымъ для веденія классовъ: драматическаго и опернаго. Условія и „curicullum vitae“ — письменно: Одесса. Улица Маразли; домъ № 24, **Еленѣ Михайловнѣ Томашевской.**

КРЕСТОВСКІЙ САДЪ и ТЕАТРЪ

Ежедневно блестящая и внѣ всякой конкурренціи большая программа

КОНЦЕРТЪ-ВАРІЭТЕ.

Американ. дивы АМЕЛІА СТОНЕ. Знаменитой испанки M-lle ТОРТОЯДА. Парижскихъ звѣздъ M-lle ДІЕТЕРЛЕ и M-lle СЮЗАНЪ ДЕРВАЛЬ.

ДЕБЮТЫ M-lle **Б. Добре**, M-lle **СЕЛЬФИНЕСЪ**, M-lle **Н. ДЕРІЕ**, M-lle **Л. ДЕЛЬЗАНЪ**, M-lle **ФРАНВИЛЬ**, M-lle **ДЕКУРСЕЛЬ**. M-lle **Ст—ло**. M-lle **ЭДМЕГАТЪ**, M-lle **ВЕРТЕРЪ**, M-lle **АЛЬМЕСЪ**, M-lle **ДЕЗАНЖЪ**, M-lle **МЕРЛИ**,

Знаменит. англійск. труппы **ЛОРИССОНЪ**, извѣстн. сестеръ **МОДЪ**, извѣстн. труппа **ФЕРДИНАНДА ЗЕММЕЛЬ**. изв. англ. труппа ИДОЛСЪ.

Знам. мандолин. M lle **ЛА-ТОСТІА**, Знаменитые лилипуты **Бр. БЕНГАЛЕСЪ**. Франц. дуэтистокъ сестеръ **ГАВАРЕ**.

На верандѣ и открытой сценѣ будутъ играть первый изв. румынск. оркестръ **Г. МИТАШИ**, второй изв. румынск. оркестръ **НИКОЛАЯ МАТАКИ**, Комики-эксцентрики **РОВЕРТЪ и БЕРТРАМЪ**, Труп. Ф. Земмель, Тріо Конради

Московскій хоръ **А. З. Ивановой**, кварт. Эсперелла, труппа Фаворитъ, труппа Любскаго, труппа Барановской, купл. г. Шатовъ, гарм. и купл. г. Голицынъ. Большой хоръ цыганъ Н. Масальскаго.

Драматическая труппа подъ управленіемъ г. КОВАЛЕНКО. Ежедневно одноактныя пьесы и оперетки.

Театръ и садъ „АРКАДІЯ“.

Лѣтній сезонъ 1899 г.
Въ театрѣ рус. опера.

Товарищество русскихъ оперныхъ артистовъ подъ управленіемъ **М. К. Максакова.**

Въ воскресенье, 27-го іюня—„**ПИКОВАЯ ДАМА**“. Понедѣльникъ, 28-го—„**БОГЕМА**“. Вторникъ, 29-го—„**КНЯЗЬ ИГОРЬ**“. Среда, 30-го—„**ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ**“. Четвергъ, 1-го іюля—„**МАЗЕПА**“. Пятница, 2-го—„**ЖИДОВКА**“. Суббота, 3-го—„**РИГОЛЕТТО**“.

Капельмейстеръ **ПАГАНИ**. Режиссеры: **БѢЛЬСКІЙ и КРАВЕЦКІЙ.**

Цѣны общедоступныя. Взявшіе билеты въ закрытый театръ за входъ въ садъ ничего не платятъ. Билеты продаются въ цвѣточномъ магазинѣ Фрейндлихъ, Невскій, 34, отъ 12 до 5 ч. дня. Начало спектаклей ровно въ 8½ час. вечера. Окончаніе въ 12 час. ночи.

ВЪ САДУ БОЛЬШІЯ ГУЛЯНЬЯ. На открытой сценѣ: Русская драматическая труппа подъ управл. **С. А. Трефилова**; репертуаръ фарсы, водевили, водевили съ пѣніемъ и оперетты. Англійская пантомима **Озрани**. Балетъ подъ управл. балетм. **Люзинскаго**. Большой дивертисментъ изъ 20 №№: Турецкій эквилибристъ **Ахметъ Бенъ**. Эквилибристъ на Эйфелевой башнѣ г. **Литинскій**. Извѣстное англійское семейство **Верони-Вестъ**. Карликъ французск. пѣвецъ **Іюлингъ**. **Парижскіе нищіе** (тріо) **Мистрельсъ**. Извѣстная богемская пѣвица **Ирма Белла**. Извѣстная нѣмецкая пѣвица **Ланжеръ**. Замѣчательное семейство **Ридерсъ** съ обезьянами акробатами. Человѣкъ-змѣя **Глязиръ**. Извѣстный неаполитанскій квинтетъ **„Анжелини“**. Извѣстн. русская пѣвица **Минина**. Русско-малороссійскій хоръ **Куниной**. Военный оркестръ Спб. пожарной команды подъ управл. **Фредерихсъ**. Бальный оркестръ г. **Шольцъ**. По приглашенію поетъ хоръ цыганъ **Н. Шишкина**. Цѣна за входъ въ садъ **40** к. Абонементныя книжки 10 билетовъ **2** р.

Дирекція: **Д. А. ПОЛЯКОВЪ.**

Театръ и садъ И. В. ТУМПАКОВА.

(Фонтанка, у Измайловскаго моста).

Драма и комедія подъ управ. Я. В. Самарина.

РЕПЕРТУАРЪ съ 27-го по 3-е іюля.

27-го іюня, воскресенье:
„КАЗНЬ“
др. въ 4 д. и 5 карт. соч. Григ. Ге.

28-го іюня, понедѣльникъ:
„ХРУЩЕВСКІЕ ПОМѢЩИКИ“
ком. въ 4 д. соч. А. Ѳедотова.

29-го іюня, вторникъ:
„МАТЕРИНСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНІЕ“ или „БѢДНОСТЬ и ЧЕСТЬ“
др. въ 3 д. съ пѣніемъ.

30-го іюня, среда:
Бенефисъ Е. А. Ростовцевой предст. буд. въ 1-ый разъ.
„ОТРАВЛЕННАЯ СОВѢСТЬ“
др. въ 4 д. и 5 карт. соч. Д. Амфитеатрова.

1-го іюля, четвергъ:
„КАЗНЬ“
др. въ 4 д. и 5 карт. соч. Григ. Ге.

2-го іюля, пятница:
„МАТЕРИНСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНІЕ“ или „БѢДНОСТЬ и ЧЕСТЬ“
др. въ 5 д. съ пѣніемъ.

3-го іюля, суббота:
во 2-ой разъ сцена изъ пьесы
„ОТРАВЛЕННАЯ СОВѢСТЬ“

СОСТАВЪ ТРУППЫ: Г-жи Лепетичъ, Ростовцева, Кудрявцева, Красовская, Соколова, Гарина, Волынская, Александровская, Ивановская, Горина, Старковская, Сергѣева. Гг. Брядовъ, Брянскій, Митрофановъ, Егоровъ, Лепетичъ, Августовъ, Кубаловъ, Войтоловскій, Костинъ, Горскій, Козыревъ, Филимоновъ.

По оконч. спектакля **БОЛЬШОЙ РАЗНОХАРАКТЕРНЫЙ ДИВЕРТИСМЕНТЪ.**

Исполнит. танца серпантинъ красавица **Фламина**. Эквилибр. на выс. лѣстн. M-lle **Эстерина**. Изв. пѣв. г-жа **Пальмира**. Изв. муз. клоуны **Клонесъ и Гербола**. Больш. роск. карт. **Біографъ-Рояль**. Изв. куплетистъ чтецъ **Войцеховскій**. Тр. **Болнокиной**. Партгимн. семейство **Ріего**. Труп. Соколовой. Кварт. **Сафо**. 1-ый русскій Дамскій оркестръ **Паршинъ-Градова**. Венгерская пѣвица **Маргитъ-Ильнай**. Руск. пѣвица Г-жа **Никитина**.

1 іюля 1-ый дебютъ изв. рус. пѣвицы г-жи **Дагмаровой**.

Оркестръ военной музыки Л.-Гв. Измайловскаго полка подъ управленіемъ капельмейстера Г. ШТЕЙНСЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 іюня 1899 г. Типографія „Трудъ“, Фонтанка, 86.